

В.В. Розанов
Война 1914 года и русское возрождение

На улицах Петербурга

Войны как великое воспитание

Забытые и ныне оправданные (Поминки по славянофилам)

Русское церковное воспитание и германские зверства

Обращение Верховного Главнокомандующего о Польше и о Червонной Руси

Судьба Польши и слово Верховного Главнокомандующего

Немцы у себя и у нас

Департаментские немцы

Испорченный человек (Возражение Н.А. Энгельгардту)

К разрушению Реймского собора

Из армии и возле армии

НА УЛИЦАХ ПЕТЕРБУРГА

I

Что-то неопишное делается везде, что-то неопишное чувствуется в себе и вокруг... Какой-то прилив молодости. На улицах народ моложе стал, в поездах - моложе... Все забыто, все отброшено, кроме единого помысла о

надвинувшейся почти внезапно войне, и этот помысл слил огромные массы русских людей в одного человека... В Петербурге ночью - то особенное движение и то особенное настроение, разговоры, тон, - то самое выражение лиц, какое мы все и по всем русским городам знаем в Пасхальную ночь.

Ведь и Пасху мы называем "красною"; христосуемся красным яичком, окрашенным в этот именно цвет по символу искупительной крови... Дрожит напряжением русская грудь и готовится вступить в пасхальную "красную" годину исторических судеб своих, дабы подвигом и неизбежною кровью купить спасение тех остатков братских народов, одна половина которых лежит мертвыми костями под тевтонским и мадьярским племенем, а за другую, еще живую половину наших братьев, теперь пойдет последний спор и окончательная борьба. В русском народе

- глубоко историческое чувство. Он сознает громаду свою, мощь свою; он знает, что мощь и громада эта "не напрасно лежат у Бога". И знает также, что множество народов смотрят на эту громаду: одни - с ревнованием, ненавистью и опасением, другие - с надеждою, как на покров и щит свой. И вот пришел год испытания, "крепок" ли щит этот, надежен ли этот покров?

Ни одной нигде хвастливой фразы не приходится слышать. Все инстинктивно чувствуют надвинувшуюся грозу, и знают, что около грозы никакое праздное слово неуместно. А хвастливость - праздное слово. Но слышится решительно везде одно великое, радующее слово: "Будем все как *один*, забудем все свои *разделения* и все домашние былые *ссоры*". И этот энтузиазм к единству и радость о единстве входят большим стимулом в народные уличные движения и придают им возвышенную нравственную окраску. Поистине можем сказать, как в пасхальный искупительный день: "Да друг друга обьемем".

Так мы обьемем все друг друга перед великою и страдальческою "нужею", как называют летописи всякий народный труд, и терпение, и страдание. Мы входим в историческую годину. Оттого-то мы все и помолодели, и приосанились, что теперь каждый день пойдет как исторический день, каждая неделя пойдет как историческая неделя, и всякий из нас, решительно всякий - большой и малый, старый и молодой, - уже сейчас делает историческое дело вот этим самым энтузиазмом своим, готовностью выносить, терпеть, нести жертвы для Отечества, которое воистину становится сейчас престолом и алтарем. Нам придется много терпеть, но и счастливы, однако, мы, потому, что ведь редкому поколению выпадает на долю пережить настоящую историческую эпоху.

И вот бьются наши сердца тревогою, готовностью и героизмом. Теперь у всех погоны на плечах у крестьянина, у рабочего, у чиновника, у купца; у многих эти погоны лягут на плечи, и, видимо, у других они лягут невидимо, заставив вздыматься его грудь по-солдатскому, по-военному. Ныне мы все воины, потому что наша Россия есть воин, а с Россией - мы все. Вот что подняло нас... Ноги не стоят, а бегут. Всем куда-то хочется... Все точно идут в поход: одни - физически, другие за ними - мысленно, и верою, и крестом.

Великая минута, великий год. Много он унесет, но много и принесет. Теперь мы все живем день - за неделю, неделю - за год. Души расширились, и тело не поспевает за душою и от этого так торопится, спешит и трепещет. Оттого не сидится дома, оттого хочется выйти каждому на улицу и слиться с волнами народными.

Старый былинный Микула Селянинович пробуждается, - и около него будет много хлопот немецкому гренадеру.

17 июля

II

Напор германских племен на славянские - завершился: Германская империя объявила войну Русской империи. исполин пошел на исполина. За нашей спиной - все славянство, которое мы защищаем грудью. Пруссия ведет за собой всех немцев - и ведет их к разгрому не одной России, но всего славянства. Это - не простая война; не политическая война. Это борьба двух миров между собой.

Да не будет малодушного между нами. Сейчас одна мысль: об единстве, крепости духа, твердом стоянии перед врагом. Будем все как один человек, будем как в войну 12-го года. Это - вторая "отечественная" война, это - защита самых основ нашего отечества. Забывшаяся Германия видит, и всегда видела, главное ограничение своего могущества и необузданных притязаний в могуществе России и силе духа ее армии.

Германия повторила в объявлении войны России тот жест, какой сделала Австрия в отношении Сербии перед войной. Что это значит? Не хотела ли Германия выразить этим, что она смотрит на Россию и уважает Россию не более и не иначе, чем Австрия - маленький славянский народ? Ближайшие недели и месяцы покажут, так ли всепобедителен немец, как он представляется самому себе.

Мужайся, русский народ! В великий час ты стоишь грудью за весь сонм славянских народов, - измученных, задавленных и частью стертых с лица земли тевтонским натиском, который длится уже века. Если бы была прорвана теперь "русская плотина", немецкие воды смыли бы только что освобожденные русскою кровью народы Балканского полуострова...

Да пошлет Бог свое благословение на нашего Государя и на нашу Родину в ее великом и правом деле!

19 июля

III

Люди, которые совершают дурной поступок, но в предположении, что это - поступок хороший, что он - нужен, полезен и до известной степени славен,

конечно "заслуживают снисхождения" по суду присяжных всего света. Тут есть грех неведения, но нет греха злобы, злодеяния; даже нет "дурного поведения", о котором ведь нужно предварительно знать, что оно - "дурное поведение", и тогда хороший человек от него удержится, а дурной человек его пожелает. Вот об этой разграничительной линии между "дурным человеком" и "хорошим человеком" мне и хочется сказать по поводу разгрома германского посольства как свидетелю со стороны... Хочется сказать, дабы торопливо отбросить тот сконфуженный и извиняющийся тон, какой и официально, и неофициально принят печатью, - и не одной печатью, - в отношении народной толпы в Петербурге, якобы становящейся бурной и угрожающей, сорной и порочной... Ничего подобного!

Было за полночь, когда группа человек в 200 - 300 принесла "трофеи" разгрома, "отнятые у германцев", именно портреты Государя и Государыни, к подъезду одной редакции, прося принять победные знаки, т.е. поставить отнятые у немцев портреты - у себя. Они пропели гимн, *очень стройно* (чего без выучки едва ли можно сделать) и ожидали... В редакции сказали, что, конечно, "нельзя принимать", что это вообще - дурное дело, и "дурным пахнет", а потому никто к манифестантам не вышел и ничего им не ответил. Ночь была теплая, и я сбежал на улицу и вмешался в толпу...

Были люди "навеселе"... Где, как и откуда они взяли "спиртного", я не знаю... В трамваях и в вагоне я слышал, что по всем аптекам забран весь "рижский бальзам", идущий в пользу при заболеваниях желудка; может, употребительны и другие специи... Этим или другим способом, но люди были навеселе - только *не было* между ними *ни одного пьяного*.

- Принесли портреты!.. Примите!!.. Неужели не примете?

В вопросе звучало полное недоумение и почти готовность обвинить в политической измене... Не прямо в "измене", но все-таки - в равнодушии к Родине, в холодности, в отсутствии патриотизма.

Я растерялся. Говорить им о правах собственности, что портреты - германская собственность, "собственность германского посольства", и что это "не трофей, а кража" и тем паче "разбой" - было также невозможно, как невозможно уверять матросов, берущих на abordаж неприятельское судно и подвергающих его разгрому, что они совершают "разбой и убийство". В том и дело, что стоявшая толпа была толпа победителей, и окунать их в холодную воду разочарования было люто, жестоко, и у меня не хватало духу сказать им правду...

Передо мной стояли люди-простецы, маленькие русские люди, ничему или почти ничему не выученные, но грех которых и заключался в этой невыученности... Сейчас же за нею начинались героические русские чувства, которыми живем и все мы, которыми мы и будем совершать подвиги на войне: но там - это будут "подвиги", ибо все будет дисциплинированно и по закону, а у этих бедных и маленьких людей вышел "разбой", потому что *вне* дисциплины и *не* по закону... Они посмотрели на свой поступок с

"германским посольством" как на геройство, подвиг и некоторое величие, потому что ведь посольство действительно являет собою дворец в стиле средневекового замка, и "взять" его и "уничтожить" для толпы простяков казалось чем-то грандиозным.

Будь посольство поменьше, поскромнее, потише - может быть, его бы и не разгромили. Но здесь контраст между "я" и "дворцом" был соблазнителен. Ведь действовала и та иллюзия, что дворец стоит как дворец, что невероятная мысль, будто он не защищен, пусть, будто его можно взять голыми руками и без сопротивления - была не ясна этим людям, и совершенно необразованным, и немножко навеселе. "Ребята, ухнем!" - "Авось, осилим!" - И они вбежали, именно штурмуя его и *отнюдь не грабя*, отнюдь не с мыслью *грабежа, разбоя и озорства*.

"Он пуст? Тем лучше! Враги *разбежались от страха!* Но мы камня на камне не оставим от *вражеского корабля...*"

Мне передавали - один, другой, третий - не о своем поступке, а о поступке *других*, - как разрезали ножами дорогие ковры, как срывали с окон занавески, разбивали бронзовые украшения... Тут, вероятно, пошла и пассия разрушения как разрушения, которая, увы, ведь сопутствует и всякому штурму, битве, психологии "победителей внутри взятого города". Позвольте, да снаряды, выпущенные в Либаву, которая мирно дремала, которая не имела оружия в руках, многим ли разнится от разгрома германского посольства? Только та и разница, что германское посольство - в Петербурге, а та - на берегу моря. Но в обоих случаях - нападение на безоружного, что в данном случае и образует марающее преступление. В газетах они читают, что в портах захватываются германские торговые суда - тоже отнюдь не воюющие: и для простолюдина в высшей степени смутна разница между всеми этими актами "захвата германского имущества", конечно захвата - не с целью вернуть, а "себе в собственность", - с тем, что сделали они, что сделала толпа с имуществом германского посольства, "захваченного на русской территории". Мне это не очень ясно, в физической, а не юридической стороне дела, - а я учился в университете: как же вы хотите, чтобы это было ясно людям вообще необразованным. Необразованный действует по так называемому "естественному праву", *jus naturale* [естественное право (лат.)], а оно разрешает "громить и уничтожать имущество вражеское на войне".

Ну, а стоявшие передо мною люди чувствовали "войну в груди", "войну в сердце", "войну в душе"... Ведь в чем же и состоит суть манифестации, как не в этой работе воображения и чувства, которая "войну *далеко*" и "войну *завтра*" переносит в войну "*сегодня и здесь*". Я более холоден и в манифестацию не пойду. Но они - более горячи и пошли, чувствуя "войну" в камнях под ногами, которые будто шевелятся и жгут. Совсем другое чувство, другая мера чувства, и чувства - не худшего!

Вина, мне кажется, заключается в том, что манифестантами слегка не руководили... Есть вещи, которых темный человек совершенно не понимает; и он особенно темен по части границ и разграничений: "можно" и "не можно",

"хорошо" и "грех". Он действует "вообще" и слишком "прямо". Мне грустно и прямо страшно, что этим прекрасным людям, которые в ту ночь, когда я с ними разговаривал, чувствовали себя "Миниными и Пожарскими", отомстившими врагу "за отечество", - на другой день сказали и объявили, что они совершили "хулиганский поступок", что они были только "громиллами". "На войне, как на войне", - чувствовали они. "Война и вообще есть разорение, разгром". "Убивают", а не то что "бьют посуду" или там какие-то "бронзовые статуэтки". "Позвольте: в *Петербурге* никто войны не объявлял, она идет *на границах*". - "Но, позвольте, - война идет между Германией и Россией, т.е. между всем русским и всем германским..."

Убедить, конечно, можно, если бы *они учились*. Но они не учились, - и в *этом вся вина*. Арестовали же внутри Германии Кассо. а какой же он воин? Он *не воюет*, а его *взяли в плен*. Большая ли разница с тем, что германское посольство не защищается, а его все-таки *взяли итурмом*?

Его явно надо было охранять, и охранять тому правительству, которому поручены германские подданные в России. Тут сделан промах, но не толпою, а администрациею. Здания такого громадного дворца нельзя было оставлять нежилым, безжизненным. Оно и подверглось стихийному разгрому, как именно "нежилое помещение", "выморочное имущество", которое "никому не принадлежит". Каким образом в громадном доме никто не дал знать полиции, что на него "нападают". Каким образом архив и документы, которые (печатали в газетах) были выброшены в окно и сожжены, не были заперты достаточно крепко и вообще никем не охранялись? Все это странно, все это неосмотрительно. А где неосмотрительность, там беда.

Народ не может вести себя, как общество; народ чувствует все непосредственное, живое, горячее; он прямее нас и лучше нас. Но он совершает иногда грубые поступки, которые отнюдь не есть гнусные (избави Боже подумать!) и хулиганские. Моя мысль заключается в этом и ограничивается этим, чтобы убедить читателей и тех, "кому ведать надлежит", что разгром посольства был поступком "в затмении", но отнюдь не на худой моральной почве и даже не на худой морально-бытовой почве.

Вытащив из кармана кусок германского флага, молодой человек оторвал мне край и сказал:

- Натя. Храните на память. Германский флаг.

Я поблагодарил. Полюбовался. И положил в карман, зная, что все - "не дело". Но как я ему скажу, когда он счастлив "победой"? Иллюзии священны, как и факты. Милые петербуржцы пережили прекрасную ночную иллюзию - и Господь с ними. Скажу по секрету и про себя, что это стоит каких-то там бронзовых статуэток. Хорошая народная минута стоит статуи. А что они ошиблись, то ведь кто же из нас не ошибается.

- Вы, пожалуйста, *поподробнее* напишите в газете, все как было, - говорили они о разрыве ковров и срыве занавесок.

- О, непременно! Непременно!! - отвечал я, зная, что "не дело"... Повторяю, я *видел* этих людей, а кто будет читать меня или вообще, кто сейчас в душе судит этих людей, - *не видел* их. А видевший имеет более прав суждения.

Что касается убитого человека, найденного на чердаке, то это какая-то тайна; мне в поезде пришлось слышать, что "на чердаке нашли *уже* несвежий труп (т.е. не сейчас убитый) убитого человека". Говорившие утверждали, что толпа, ворвавшись туда, *нашла там его*; и у говоривших не было и подозрения, что это - дело рук толпы.

Для оттенения я должен заметить, что в толпе, с которой я разговаривал, был "жар победы", но именно - чистый: ни гнева, ни ярости собственно против "немцев" я не чувствовал. "Важно, что мы *победили*", а что побежденный - худой человек, - этого мы не "говорим". Обыкновенное русское добродушие. И капли злодеяния *как возможности* - тут не было.

22 июля

IV

Нет ничего непонятнее и даже малоизвестнее, нежели часто произносимые слова, но которые уже выветрились в истории, потеряли душу свою, - и теперь, сухие и мертвые, перебрасываются в речи и разговорах как простое украшение этих разговоров. Возникали они - и тогда чувствовались. Потом тысячу лет повторялись и теперь представляют собою то же, что паспорт без человека, или паспорт - покойника. "Слово" - есть, "описание примет" - есть; ну, а вот он-то сам, - *его* нет. Он лежит в гробу или на кладбище, скрестив руки и нем. В текущее время предстоит "воскрешение слов", почти еще труднейшее, и даже действительно труднейшее, чем рождение слов. "Новая мысль родилась" - это не так трудно; и с нею, естественно, рождается новое слово. Ну-те-ка, а поднимите вы на улице ржавую медную пластинку, остаток разбитой, изорванной гармонии, - или обрывок струны от скрипки и заставьте ее сыграть песню...

Так я думал, поговорив с молоденьким, лет 28, артиллеристом... Небольшого роста, худенький, он весь светился своими глазами, полными такого ума и ясности, что вам хотелось смотреть и смотреть в эти глаза, а уже кстати и слушать речь. Спешно вызванный с работ, где-то в Финляндии, он приехал в Петербург и здесь получил приказ немедленно ехать на место постоянной службы. "Мы все военные: у меня отец - полковой врач, сестра - замужем за офицером". Еще какие-то "дяди" - все военные.

Я заметил в верхней части лба две большие, массивные выпуклости - признак напряженной работы мысли. Артиллерия - это ведь высшая математика. Передо мной сидел не только "офицер такой-то бригады" (цифра на эполетах), но и ученый: и всему - 28 лет!..

Думается, нет и 28 лет: лицо юно, неописуемо юно! И эта непередаваемая ловкость, небольшая любезность и скромность движений. Совсем другой

чекан человека, чем "чиновник", "журналист", "актер", "профессор", среди которых живешь и "слишком хорошо знаешь"...

Заговорили о войне, о предполагаемом командном составе армии, он - о "своей родной крепости" и ее командире... О видах на будущее, надеждах и опасениях.

Все, что он говорил, было в высшей степени *утвердительно*. Не стану этого исчислять, не стану этого и передавать. Выйдет похоже на сплетню, на слухи, а всего этого не надо около войны и... около священного воинства, как мне надыхала в душу эту мысль фигура поистине прекрасного и замечательного человека, с которым я говорил. Скажу читателю вообще и отдаленно, что в нашей армии, по его разъяснениям, "все обстоит благополучно".

Вспомнили Японскую войну. Заговорили о технике.

- Ну, - сказал я, - ведь теперь энтузиазм не решает дела, а решает его техника.

- Вовсе нет!!.. Сражаться без одушевления - невозможно. Тогда за спиной армии была какая-то пустота: народа не чувствовалось, России не чувствовалось; одинокая армия билась точно в какой-то пустыне, - потому только, что "отдана команда". И эта армия уже до битвы была неживая.

Он говорил как-то выпуклее, ярче и резче, чем я. Мысль была та, что существует невидимый ток, соединяющий армию с народом; и армия и живет и побеждает силами этого тока. А без него и без этих таинственных сил армия есть только склад оружия, амуниции, людей и ученой техники.

У офицера же я ясно читал в глазах:

- Умру, и хорошо.

На меня как пахнуло чем-то... Ведь он оставит вдову и ребенка. Будет плакать сестра и "все дяди"... Тут, может быть, вмешался случай, о котором он мне попутно рассказал, точнее - упомянул. Приказ "явиться", какой он получил, - получил и его товарищ, у которого именно в эти дни умирала от чахотки молоденькая жена и было двое детей, что-то лет 5 - 6. И что же произошло: "приказанный" офицер уехал, оставив умершую и *непохороненную* жену и крошек детей. - "И у него родных нет".

- Как же? Как же? - спросил я в гражданском и общечеловеческом испуге. Он ответил: "Окружающие знакомые сказали, что жену они похоронят, а детей пока подержат у себя. Он же пусть спешит скорее". Говоривший это - военный, и у него я не читал того страха, которым трепещет вся смертная тварь.

- "Бывает", - заключил он коротко. В уме светилось полное понимание сути дела. А тон слов говорил:

"Что делать, - нужно".

Ни жалобы, ни критики, ни истерики.

"Да ты железный", - подумал я о юноше. "Факт и *молчание*", - говорила его фигура. Я мысленно досказывал:

- Да что же такое в самом деле "мы", если *нужно* России... Что же такое "наша" воля, выкрики, стоны, если *посылает история!!*

"Посылает история"... Кого??? Этого юношу! И таких, как он! Всю армию!!

"Боже мой! Боже мой! Как же мы все это понимаем и чувствуем?!.. Ведь нам корифеи литературы нашей рассказывали, что это "полковник Скалозуб", который "развалился на софе", да "генерал Бетрищев", который, умываясь, острит с Чичиковым? Кто же не поверит Гоголю и Грибоедову? И мы вообще-то и думаем, что офицеры "позвякивают шпорами", а батальные живописцы рисуют их "в кавалерийской атаке" с саблями наголо на красивых лошадях. Но ведь это же совсем не то, и это бесстыдство так думать, и как же нам решились внушать такие мысли, - хотя бы и "корифеи слова"! Дело-то ведь действительно в *героизме*, самое представление и чувство которого исчезло, и осталось пустое слово, "паспорт без человека"; а он - *есть*, этот настоящий человек, к которому относится паспорт, т.е. *существует* действительный героизм, и лишь при наличии его можно победить, а армия есть живое и выразительное лицо стоящего за нею народа...

"Умереть..."

Это не так просто, это - уже не "паспорт" и "прописка примет", а - *дело*. Газеты и полиция кратко отмечают об умершем на улице человеке: "он умер". Литература очень кратко говорит о воинах: "они умерли"... "*Какое* нам дело? Это - *шовинизм*".

Услышав так, можно дать в физиономию или разрыдаться.

"Дьяволы: у вас кто-нибудь умрет, то вы - и речи, и венки, и воспоминания, и некрологи. А тут 20 000 умерло, и вы - ничего, "шовинизм". Да ведь это только ругательство, тогда как у них...

Вот у того офицера, который и сам через два месяца, может быть, будет убит, за два месяца до его смерти умерла жена, и он, *даже не похоронив ее*, поспешил к "месту службы"...

Почему??!!..

Потому что Россия не хочет, чтобы страдали, умирали, гибли, оплевывались и опозоривались единовверные и единокровные нам славяне...

Потому что России больно от боли славян...

И она хочет переболеть сама, чтобы им не было больно..

И офицеры идут.

Идут солдаты.

Не литературные "солдатики", слащавые и маленькие, а - бронзовые, большие, великие, герои...

Боже, истинно и велико это слово - "героизм", и - *живо* оно!! Живо, живо, *есть, есть!!* "Не выдумка"... О, и будь же проклята эта гнусная выдумка, что "освобождают славян" Скалозубы и Бетрищевы и что они же бились с Наполеоном и вели Отечественную войну.

Боже, кто научил нас этим гадостям? Кто внушает? "Учим с детства"...

Все это - из истории; из нашей страшной - увы, литературной - истории о том, "как нас делали нигилистами".

И бронзовая армия проходила молча мимо этого нигилизма и среди нигилистов.

23 июля

V

Среди того смятения всяких известий, всяких слухов, всяких предположений, какие носятся в воздухе, как стрижи перед грозой, - не нужно выпускать из виду того основного электричества, которое насыщает атмосферу Европы вот уже тридцать лет, и также тех основных ветров, которые нагнали теперешние тучи. Эти ветры тоже не вчера зародились; и, присматриваясь к ним, мы можем не поддаваться тому угнетающему недоумению, которое в последние дни держит под собою Петербург. "Что же Англия? Мы и Франция воюем, а она еще молчит?.."

"*Будущность Германии - на морях*", - произнес император Вильгельм в начале своего царствования. И тем определил программу этого царствования, страстно желаемый финал его, - и вместе заставил вздрогнуть старую властительницу океана, Англию. Поэтому не только удивительны, но вполне изумительны выступления либеральной части английского общества и двух-трех ее газет, равно как и представителей рабочей партии в парламенте, - которые "предостерегают Англию от впутывания в европейский конфликт". Правительство Англии, которое имеет перед глазами не программы партий, а заботу о достигнутом уже величии и могуществе отечества, и этому величию грозит крах, - никак не может следовать такому требованию либеральной партии, потому что *само-то*но - и не либеральное, и не консервативное, а просто есть английское правительство. Нельзя быть правительством Англии и забыть об Англии. Нельзя заботиться о будущем, перед которым стоит величайшая угроза, - и думать о вкусах партий и угождении этим вкусам.

Несомненно, вся Европа и даже весь мир не кинулись бы, как сейчас это есть, - к оружию, что бы ни произошло в отношениях Сербии, Австрии и России, даже включительно с Германией. Все это определенный угол мира, а не весь мир. Между тем *встревожен весь мир*, - и закрыты биржи не в юго-восточных странах Европы, но в Амстердаме, в Брюсселе и в Лондоне. И можно сказать, что хотя кровь льется и рушатся здания сейчас в Белграде, - но напряжения мирового электричества гораздо больше над Лондоном и Берлином.

Поэтому рассуждения о том, что "Англия, может быть, останется вне конфликта", как и сообщения о том, что "Берлин предлагает Англии сохранить нейтралитет и в таком случае Германия ограничится сухопутною войною", - суть поистине выкрики встревоженных стрижей. Неужели Англия и Германия в 1914 году вдруг позабудут о том, для чего и *для кого* они лихорадочно строили дредноуты и сверх-дредноуты?!.. Да и вообще о *столкновении на морях Германии и Англии* существует ведь целая литература, - тоже писавшаяся с лихорадкою в душе.

Это есть один центр электричества, и вместе - одна тяга исторического ветра. Если Англия в наступающем конфликте не уничтожит только что отстроенного великолепного флота Германии, но пока все-таки слабейшего, нежели английский флот, то через два или три года германский флот перевезет в Англию сухопутную германскую армию для завоевания Англии. Когда, года четыре тому назад, в Петербург и Москву приезжала английская миссия из первых лордов страны и епископов, - то смысл этого посещения не был нисколько темен ни для России, ни для Англии. Ни славянство и Россия, ни Франция, ни сама Германия не положили так много из своей будущности "в залог" при начинающемся чудовищном "метании карт", как именно Англия. Если другие положили "нечто" и даже "много" в игру, то Англия в ней "заложена вся". Воображать, что этого не знают и не видят на берегах Темзы, - могут только притворяющиеся или дети. И только такие могут говорить, как теперь говорят со смущением многие в Петербурге, о каком-то "нейтралитете Англии".

Второй центр напряжения электричества - это все нагнетаемая и нагнетаемая на славянство тоска обид и унижений от немцев и от мадьяр, в данном пункте опирающихся на немцев. Прусская провинция "Померания" - это старое славянское "Поморье". Славянское название немецкой провинции происходит от того, что когда-то была она населена славянским племенем, от которого не сохранилось ни языка, ни веры - ничего. Все славяне были совершенно онемечены, т.е. изглажены в лице и языке своем. Также немецкая река "Эльба" - есть великая река "Лаба" славян. Самая середина Пруссии лежит на славянских костях, как равно прекраснейшая провинция Австрии Богемия, - есть окатоличенная, разбитая и униженная славянская Чехия с великим своим священником Иоанном Гусом, которого живого сожгли на костре. И во всю историческую судьбу свою Австрия, подталкиваемая Германиею, мучила и издевалась над славянством и православною церковью. То, что она так жадно и ненавидяще бросилась сейчас на Сербию, - собственно отразило давно

знакомый миру аппетит старой Волчицы. Она всегда питалась славянской кровью и славянской верою.

Немцы, которые всегда любили подводить философию под свои грубые и хищные аппетиты, - сочинили даже целую теорию о полной непригодности всего славянского племени, в том числе и русских, к образованию и культуре. Устами теперешнего императора своего и великого Бисмарка, они высказывали мысль, что славяне слишком мягки и женственны и не умеют и не могут быть самостоятельны; но что в слиянии с мужественным тевтонским племенем они могут дать превосходную помесь, способную к культуре и политике. Это значит, что славяне могут быть отличными рабами немцев, и их ученые даже производят имя "славян" от латинского слова "sclavi", "рабы". "Прирожденно-рабская нация", русские и славяне могли бы превосходно быть батраками у их дворян, нести солдатчину под "прусским лейтенантом", которым так восхищался Бисмарк, - и вообще продолжать роль полабских славян возле рыцарственной и философствующей тевтонской расы...

И вот ныне поднялся этот "бесхарактерный" и "женственный" русский мужик, чтобы показать соседям, что не такая уж он "баба", как рассчитывает его сиятельство, прусский юнкер.

Вот два электричества. Вот две тяги ветра. Это будет великая расовая и культурная борьба. Это будет именно - не война, а борьба.

Славяне борются за свое достоинство. Англия - за свое спасение. Против - всеподавляющего немца.

Душно стало от немцев. Сперло от них воздух. И разразилось все грозой.

21 - 23 июля

VI

Англия объявила войну Германии. Тягостное ожидание разрешилось...

Величественные слова Государя в манифесте к народу и армии: *"Видит Господь, что не ради воинственных замыслов или суетной мирской славы подняли мы оружие, но, ограждая достоинство и безопасность Богом хранимой нашей Империи, боремся за правое дело. В предстоящей войне народов мы не одни, вместе с нами встали доблестные союзники наши, также вынужденные прибегнуть к силе оружия, дабы устранить, наконец, вечную угрозу германских держав общему миру и спокойствию"*.

ВОЙНЫ КАК ВЕЛИКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Войны завоевательные нередко бывали нравственно разрушительны для победителя; но войны оборонительные всегда и безусловно построят дух народный, сжигают в нем нечистые частицы, объединяют его, уплотняют его - ведут к жертве и героизму. Это всегда суть войны нравственно-

воспитательные. Такова была у нас война 12-го года; с таковыми же чертами у нас начинается великая война 14-го года. Последние войны Германии - все завоевательные. Обобрав Данию, Австрию и Францию, - Германия, когда-то бывшая страной Гёте и Шиллера, Шеллинга, Фихте и Гегеля, стала государством "крови и железа", по формуле и по зову Бисмарка, - но без всякого идеального, светоносного содержания.

Уже сейчас Россия неузнаваема. Где этот горький и часто низкий и циничный смех над собою? Где этот тон постоянного отрицания себя и преклонения перед всем чужим и, в сущности, мало знакомым? Как налет пыли, как поверхностная - более некрасивая, чем опасная - болячка, все это сметено очистительной бурей, поднявшейся у краев нашей державы. Как в лучшие времена истории, Россия стоит одна и неразделенная, - потому что на границе встал враг, угрожающий тоже нам "без разделений", угрожающий *нам всем*. Вот смысл и прекрасный слов лифляндского дворянства, и гораздо менее прекрасного заявления "кадетов", которые на это время могли бы спрятать свою громовую "оппозицию правительству" и совершенно промолчать о ней... Но ни скромностью, ни особым умом кадеты никогда не отличались, и оставим это их *testimonium pauperatis* [свидетельство о бедности (лат.)], вечный знак их бедности. Возьмем то, что есть ценного в заявлении: "Россия и все русские должны быть перед врагом *нераздельны*".

Но вот и еще воспитательная и до известной степени *учебная* сторона войны. Эти дни, когда зашевелились могучие части военного тела России, мы осязательно и зрительно ощутили воочию и плечом около плеча, что такое "Государство" и что такое "Отечество". Увы, в мирное время мы слишком чувствуем себя только "членами общества" и мало-помалу вовсе утрачиваем сознание в себе "гражданина", т.е. члена именно колоссальной государственной организации. Теперь, когда в лице "запасных" вдруг мы видим своих товарищей по работе, по гражданской службе, своих сослуживцев по конторе и магазину - "воинами", совсем в другом платье и принявшими другой вид и осанку, - мы вдруг чувствуем "свое Государство", точно поднявшееся во всеоружии из мирных рядов вчерашней "публики". "Население" и "публика" поднялись "вооруженным народом", и обыватель скрылся в "гражданине", в его строгих и ответственных чертах. Вот этой-то "строгости" и этой-то "ответственности" было мало у нас, - по доброте и снисходительности Государства к нашей обывательщине. Государство в обыкновенное время стоит уже слишком задрапированное, слишком закрытое бытом. Мы его вовсе не чувствуем. Как Гоголь сказал, что у нас от иного города "три года скачи - ни до какого государства не доскачешь", так можно сказать, что у нас "от публики и быта - до Государства и гражданственности сколько хочешь скачи - не доскачешь". Этим отчасти можно объяснить невероятную распущенность русской мысли и русского слова в отношении России, в отношении Государства, в отношении именно "обязанностей гражданина", которые на столько лет точно вымерли а нашей печати. Сейчас все, решительно до одного все, чувствуют и говорят точь-в-точь так, как говорил бывало Ив. Серг. Аксаков в "Руси" перед турецкой войной. Это - совершенно неслыханное чудо, и преобразование вызвано тем, что "враг

показался вблизи", - враг опасный, не то что бывшие турки, о которых мы и заранее знали, что "победим", - и что из мирного населения и обывательских рядов поднялись воины и оружие...

Вот это ощущение Государства есть вещь, ничем не заменимая в смысле обучения. В год войны мы многому научимся, - прямо перед нами многое новое и неожиданное *раскроется*, - и в новую Думу соберутся люди с запасом совсем иных чувств и иного сознания в груди. "Научиться Государству" - нельзя из лекций и из книг, а газеты и вообще печатная "обывательщина", - газеты, беллетристика, театр - только "разучивают Государству", закрывая и затягивая его все бытом и бытом, все житейскими и житейскими "язвительностями". Все это имеет свою цену и хорошую цену; но, однако, все это совершенно закрывает от нас одну великую драгоценность вооруженное, могучее Отечество, готовое пойти на врага. В "быту" мы все, естественно, слишком раздробились и только в войне чувствуем себя "все вместе". Это несравненный опыт. Это то политическое воспитание, которого вовсе не дают нам юридические факультеты которые суть какое-то "книжничество и фарисейство государственности".

Скелет и душа государственности, т.е. ее "твердое" и вместе ее "одушевление", есть действительно воинство на полях битв. Воинство - с его великой готовностью умереть... Что может быть выше, что может быть героичнее, что может быть священнее этой готовности и решимости! *Так* умирали мученики за веру: и вот *так* же умирают воины за Отечество. Отечество вдруг представляется колоссальным складом высших идеальных ценностей, какие вообще носимы народом, - но это-то "носимое", как крест за воротом рубахи, остается вообще от нас и от постороннего скрытым. Но, когда "идут и умирают за *это*", "за Русь", "за веру", за "единокровность", - какое же может быть сомнение, что это все есть *великое сокровище*. Ибо умирают с готовностью и радостью, и значит, всей целой армии, всем вооруженным частицам народа это исчисленное - "вера", "Русь", "единокровность" - есть воистину драгоценность. И тогда у кого не поколеблется сердце перед тем, как напасть на это сокровище, начать его поносить и ругаться ему? А ведь мы "в мирные годы" только и делаем и делали, что это грубое отношение к родине и всем ее вековым святыням.

Мы живем в чудные дни. То, что представлялось совершенно непобедимым, и то, что казалось совершенно невоскресимым, побеждается с одной стороны и воскресает - с другой. На наших глазах, в каждой точке родины, точно показывается свеженький, молоденьких хлеб, - без старой ржавой "спорыньи" на нем. Поистине - молодой хлеб; поистине - новый хлеб. Что бы ни было, какой бы ни был ход войны, каковы бы испытания ни предстояли нам, мы будем помнить и будем утешены тем, что мы в них - выздоравливаем; что труд страдания будет вознагражден и уже вознаграждается сейчас сторицею.

26 августа

ЗАБЫТЫЕ И НЫНЕ ОПРАВДААННЫЕ

(Поминки по славянофилам)

Вихри и бури исторические уносят и мысли наши... Человек не камень: с душой колеблющейся, неуверенной, с сердцем жалостливым, он не останется "тем же", когда вихрь переменяет все кругом его, уносит одни зрелища, приносит другие зрелища, меняет "да" на "нет" и "нет" на "да"... Человека "сдувает" с его места та мощь бури, которая увы! - иногда сдувает целые царства, троны и королей...

Писатели, поэты и мыслители всего менее могут сохранять те "стройные мирозерцания", которые они вырастили в себе в ясную погоду, под теплым солнышком и при безоблачном небе. Вырастили, и возлюбили, и долго любовались на них, - и указывали прохожим: "Посмотрите, как это прекрасно и истинно!" Все было "прекрасно" - пока горело под солнышком. Но нашли грозные тучи, и вдруг все потемнело...

Ничего нет поучительнее и интереснее, как наблюдать нашу умственную жизнь сейчас; и особенно - для того, кто избрал это наблюдение до некоторой степени специальностью.

С 19 июля под внезапно налетевшим вихрем все легло у нас "плашмя": все, что стояло гордо, и, казалось, этому стоянью - и века не будет; все, что высказывалось как "окончательная истина" и как решенное "на все будущее", - снесено вихрем, которому всего истекло десять дней... Это ведь памятная история нашего общества и литературы, когда в 40-х годах и в Москве прощались и расходились друзья: Аксаковы, Хомяков, Погодин, Киреевские - в одну сторону, Герцен и Белинский - в другую. Раз Грановскому, общему другу тех и других, случилось поместить одну статью в "Москвитяине" Погодина. Статья была интересная, и друзья спросили Белинского: "Читал ли он?" - "Нет", - отвечал молодой энтузиаст: "Потому что я не люблю встречаться и с лучшими друзьями в *неприличном месте*". Так был назван им единственный в России славянофильский журнал, - "влачивший существование". Предтеча грядущих журнальных судеб славянофильства... От "Москвитянина" и до аксаковской "Руси" все они, эти славянофильские журналы, только "влачили существование"... Подымая так *тон* - "я не хочу заглядывать в *неприличные места*", - Белинский тоже предугадал вперед на 70 лет *победный тон* целого хора шумных и непрерывно успешных, непрерывно любимых журналов, которых читателями с самого же начала сделались все русские, все образованное общество - в Москве, Петербурге, в провинции, по самым далеким и захолустным уголкам... Это не была победа. Какая же "победа", когда и *борьбы* никакой не было, - когда в самый же момент разделения наиболее пылкий и несколько наивный член одной группы друзей откровенно сказал, что он людей противоположного лагеря "не читает" и, - по мотиву, о котором что же сказать? "Неприличное место"... И так как это был идейный мир, так как дело касалось спора или, вернее, того, что *могло быть* "спором", - то он бросил моральное обвинение, в своем роде плеснул

кислотой в лицо целому лагерю людей, где стояли Аксаковы, Киреевские, Хомяков, Погодин, "Славянофилы! Наши сла-вя-но-фи-лы! Ха-ха-ха..."

"Спора" никакого не было и не вышло... Было - гонение; было преследование; было на семьдесят лет установившееся заушение, плевки, брызги жидкой грязи, лившейся с колес торжественного экипажа, где сидели Краевские, Некрасовы, Благодетелювы, Шелгуновы, Скабичевские, Чернышевские, Писаревы, - на людей жавшихся куда-то в уголок, не слышимых, не разбираемых, не критикуемых. Какое имя в литературе С.А. Рачинского? Никакого. По имени знают, *книг* его - никогда и никто не читал. Да что он? кто он? Дворянин, помещик - в родстве поэта Баратынского, - профессор ботаники в Московском университете, переводчик "Жизни растений" Шлейдена и "Происхождения видов" Дарвина. Доселе ничего позорного, отрицательного? - "Ничего", - скажут. - Вышел, еще молодым, в отставку и поселился в родном имении Татеево Смоленской губернии, где построил школу и, не отходя от нее, как от долга и службы, начал учить крестьянских детей окрестных деревень... Ничего? - "Даже похвально", - слышится ответ. - Брал в средство обучения, выполняя требуемую законом программу низшего народного училища, жития святых, церковные и богослужебные книги, "Часослов" и Евангелие. Из школы его вышел знаменитый живописец Богданов-Бельский, а сам со школьниками-детьми он начал первые в России школьные экскурсии, но не за границу, а в знаменитые древностью и историчностью монастыри. Ну? - Нет ответа, молчание. Хуже: имя Рачинского и как общественного деятеля, и как педагога, и как писателя и ученого выброшено совершенно вон из литературы западников, т.е. из всей почти русской литературы; и на их оценку лицо Рачинского и труд его есть пустое место в русской истории. Так как совершенно невозможно было что-нибудь сказать против труда его, так как в нем совершенно не было ничего для критики, порицания, возражения, насмешки, - то имя его за все двадцать лет деятельности не было ни разу названо, произнесено в "Отечественных Записках", "Вестнике Европы", "Русском Богатстве", "Русской Мысли"...

- Почему? Ведь педагог, просветитель? Для крестьян!

- Да. Но он был христианин. Он любил церковь. Он учил детей любить Россию.

Других преступлений не было... Так вот в *чем* дело и вот где *корень* расхождения московских друзей 40-х годов, которое определило собою на семьдесят лет ход русской общественности и литературы. Дело было вовсе не в "славянофильстве" и "западничестве". Это - цензурные и удобные термины, прикрывавшие собою далеко не столь невинное явление. Шло дело о нашем отечестве, которое целым рядом знаменитых писателей указывалось понимать как злейшего врага некоторого просвещения и культуры, и шло дело о христианстве и церкви, которые указывалось понимать как заслон мрака, темноты и невежества; заслон и - в существе своем - ошибку истории, суеверие, пережиток, "то, чего *нет*".

- Религии нет, а есть одна осязательность, реальность, один материальный мир; предмет физики, химии и биологии.

- Души нет. Загробного мира нет. Наград и наказаний за эту земную жизнь нет. Бога нет.

- История - путь ошибок и суеверий. Нужно все начинать сначала. История реальная началась с Французской революции, и ее продолжаем, - т.е. поддерживаем принципы Французской революции, - мы, Стасюлевич, Некрасов, Щедрин, Краевский и передовые профессора университетов.

- Россия не содержит в себе никакого здорового и ценного зерна. России собственно - *нет*, она - только *кажется*. Это - ужасный фантом, ужасный кошмар, который давит душу всех просвещенных людей. От этого кошмара мы бежим за границу, эмигрируем; и если соглашаемся оставить себя в России, то ради того единственно, что находимся в полной уверенности, что скоро этого фантома не будет; и его рассеем мы, и для этого рассеяния остаемся на этом проклятом месте Восточной Европы. Народ наш есть только "среда", "материал", "вещество" для принятия в себя единой и универсальной и окончательной истины, каковая обобщенно именуется "Европейскую цивилизацию". Никакой "русской цивилизации", никакой "русской культуры"...

Но тут уже даже не договаривалось, а начиналась истерика ругательств. Мысль о "русской цивилизации", "русской культуре" - сводила с ума, парализовала душу... Это было то черное, что если не заставляло болеть и умирать Стасюлевичей и Краевских, Пыпиных и других профессоров, то лишь единственно потому, что они были в обладании всеми средствами, чтобы заставить умереть и захворать своих противников. В "обладании всеми средствами": ну, понятно, какие это "средства" в духовном мире, в идейном мире. Это - лишение права слова; моральное его лишение, литературное его лишение. Белинский дал понять "своим", т. е. дал понять всей читающей России, что славянофильство есть некоторое "неприличное место" в духовной жизни нашего общества. Писарев, которому вся Россия также кинулась навстречу, - называл славянофильских писателей и ученых "Ванькиной литературой".

- Потому, что они верят в Бога и признают Россию.

"Признают Россию"... Славянофилы действительно учили, что Россия содержит в себе зерно самостоятельного и *другого* развития, чем по пути какого прошла Европа. И покоится это на двух фактах: другая церковь, другая история. Вся западная политическая история представляет собою *насилие сильного над слабым*. Тот способ, каким произошли наши остзейские бароны и графы, - этим способом произошли и западноевропейские княжества, сливавшиеся в королевства и выросшие до империй. Везде один факт: в мирное, тихое, живущее натуральной жизнью население приходит толпа закованных в железо воинов ("рыцари"), ставят укрепленный дом ("замок"), окруженный рвом и высокой стеной; и насилием, принуждением обращают

население, окружающее эти "замки", в рабство. "Господа" и "рабы", "феодалное дворянство" и, с другой стороны, "крестьяне" и "ремесленники" суть всего, зерно всего; это общая ткань, из которой выткана вся Европа. Итак, запомним: *насилие* и *угнетение*. Тот же факт господствует и в церкви, не из иной ткани сшиты и ее золотые ризы: католичество всегда было воинствующее, борющееся. "Воин" есть в то же время "католический священник". Папы - воины, епископы - воины. Сперва они dokonчили разрушение Римской империи и римской культуры, начатое германскими королями-конунгами (Konig), а затем также насильственно, кроваво или огненно, погашали всякое восстание против себя. Так, огнем и кровью они потушили гуситство в Чехии, вальденцев в южной Франции, пробовали погасить Лютера и его реформацию, - но последнее не удалось. Однако эта реформация, это лютеранство, едва родившись, сейчас же кинулось в борьбу и насилие против прежней веры (30-летняя война). Без "насилия" не было там ни королевства, ни церкви, ни короля, ни папы.

А у нас? Власть у нас есть скорее бремя и долг. Это "бремя власти" новгородские славяне возлагают на призванных из чужа князей: таково было "призвание князей", начало русской истории. Власть есть что-то тяжелое, от несения чего мирное население положительно отказывается. То же повторилось при избрании Михаила Федоровича Романова на царство. Епископы, архиереи, святители Киевской и Московской церковей, - какие же все они "вояки"? Можно улыбнуться только такому предположению. А папы и архиепископы германские определенным образом вели войны.

Вся русская история есть тихая, безбурная; все русское состояние - мирное, безбурное. Русские люди - тихие. В хороших случаях и благоприятной обстановке они неодолимо вырастают в ласковых, приветных, добрых людей. "Русские люди - славные". Кстати, прилагательное "славный" сливается с именем племени - "славяне".

Конечно, во всем этом бывали исключения; но исключение - не правило. История идет большим путем, широкою дорогою. История есть именно выражение "правила". И что оно *таково* в русском бытии, - это простая очевидность.

Но здесь вышло осложнение. Славянофилы не только кротким взглядом отметили кроткие черты русской истории, - мягкое, не каменистое русло ее течения (кое-где с болотцем), - но и личным духом своим и личным характером стали звать сюда же. Они дали не только объяснение, но и дали идеал. Этот идеал опять простирается до самых далеких далей. В самом деле, "борьба", потому именно, что она - "борьба", должна иметь какой-то исход и разрешение. Борьба ищет мира и ведется из-за мира. Славянофилы, отклоняясь от неразрешимой проблемы о "конечном смысле человеческой жизни", который в руках Промысла и Судьбы, - дали ближайшую и широчайшую концепцию, в сущности, целой *цивилизации*, как непременно *мирной*, без "обиды" и притеснения, без угнетения и в полном мире. "Да житие мирное и тихое поживем, во всяком благочестии и чистоте", -

эти слова богослужения выражают все. Это слово - совершенно полно и совершенно окончательно. Тут нет далеких гор, далеких горизонтов; это - состояние, ответ на "как жить", а не указание - "к чему *стремиться*". Хотя категория "к чему стремиться" - понятным образом тут не исключается. Идеал "сидячий" до некоторой степени, а не "бегучий". Что делать. Западные реки бегут с гор; наши - тихо покоятся в широких берегах.

Как хотите, а идеал хорош, широк. Он именно отвечает довольно измученному и раздраженному положению и Западной Европы. И славянофилы недаром говорили: "К нам *все придут*, у нас все *позаимствуются*". Это не было хвастовство. Просто - это дело. После большого странствия (Европа) - хороший отдых (Русь).

Не целая ли в этой мысли цивилизация? О, да! Это - *прямо видно*.

Западники хотя и накинулись на славянофилов с остервенением, но в самой злобе своей доказали их истину. "Не хотим *бороться* с Западом", "на Западе даже все *лучше*, чем у нас", - кричали они, совершенно как славяне с озера Ильмень о варягах. Во всей истории нашего "западничества" повторяется то же, на что указали славянофилы: отречение от себя, смиренное о себе сознание, что "не умеем" и "не способны", и искание, кто бы нас "управил". Мы звали "Бокля, Спенсера и Конта", совершенно так же, как когда-то "Рюрика, Синеуса и Трувора". Тогда - "княжить и володеть землю, понеже она велика и обильна, но порядка в ней нет", а теперь от времен Белинского - "управить наши головы, понеже они хотя и талантливы, а "нечесаные и заспались". О всех этих свирепых Чернышевских скажешь: "все-таки они *славные* (славяне)"... "Себя не помнят, все отдают чужому, и, приняв чужое господство, - кланяются не накланяются".

Право, наши западники и есть "славяне". - "Как можно бороться с Западом? Ведь мы - *мирные*".

Славянофилы же были поставлены в воинственное положение. Однако, как же бы иначе они высказали свою мысль? Они отрицали вечную *борьбу* на Западе (конкуренцию), вечную *вражду* на Западе (партии, партийность), А "отрицание" есть борьба. Но поистине это есть та "борьба", которую святые ведут против ссор человеческих, против немирности человеческой. А западники со своим "миром с Европою" и с воплями, что "у нас все хуже", - суть грешники, не понимающие, что они на веки вечные утверждают в мире начало злобы и вражды (знаменитая "конкуренция" как принцип Европы).

Таковы были мысли. Таков ход развития русской литературы.

* * *

И вдруг все легло плашмя; я не могу иначе назвать ту совершенную перемену тона газет и журналов, которые вчера "западнические" - сегодня повторяют "славянофильство". Но как больно, как больно, как больно, что, говоря "отнутри" и "под давлением событий", никто не вспомнит, какие праведники

впервые сказали на русской земле это слово. Из статей, появившихся эти дни, выдаются: "Родине" С.Н. Булгакова и "Наше мщение" Т. Ардова (обе в московском "Утре России"). Они не говорят одного и того же, да это - и не нужно. Славянофилы всегда и проповедывали "хоровое начало", т.е. множество *разных* голосов, дающих в общем впечатлении, однако, единую общую гармонию.

"Казалось (говорит Булгаков), высокомерное *пренебрежение* к родному (как верно! - В.Р.), пустопорожнее "западничество", через посредство интеллигенции, становится уже всеобщим. Но ныне и "западничество" умерло с шумом, умерло навсегда под ударами тевтонского кулака, вместе и с фантомом "международного" социализма и братства социалистических легионов... Перед лицом мировой европейской войны, показавшей всю ограниченность и условность европейской культуры, нельзя уже в нее верить, как в царство небесное, как в земной рай; европейскими легионами расстреливаются западнические кумиры русской интеллигенции, вера Белинского и его потомков. Для вдумчивого наблюдателя понятно, что теперешняя война знаменует *общий кризис европейской цивилизации*, свидетельствует об ее зрелости и приближении ее конца, как бы ни был продолжителен по времени этот конец. "Новая история" кончается, и Запад уже сказал все, что имел сказать. *Ex oriente lux* [С востока свет (лат.)]. Теперь Россия призвана духовно вести европейские народы, на нее возложена страшная ответственность за духовные судьбы человечества. Но для этого она должна стать духовно свободной, выйти из своего духовного вассальства у "Европы".

Окидывая взглядом русскую действительность, автор говорит, до чего всегда мы, русские, недооценивали этой действительности; и лишь сквозь наше уже априорное отрицание родины, в угоду западническому идеалу и западнической программе, находили все у себя отвратительным:

"Казалось, раздор и недоверие между правительством и обществом искони составляли неизлечимую болезнь нашей государственности. Этой распрей духовно отравлялись и интеллигенция, и власть, причем обе стороны были духовно неправы: *общество не умело ценить высокой трудоспособности русского чиновничества* (езде мои курсивы): бойкотируемая же "бюрократия" болела ревнивой подозрительностью к свободной общественности. И вот в час испытания распря исчезла совершенно, новый дух повеял в русской государственности. Это не тот паралич и испуг власти, при которых она *делается достоянием проходимцев и авантюристов*, но твердое, мудрое, воистину народное правительство, сильное своим единением с народом. Проблема, доселе одинаково неразрешимая ни для реакции, ни для революции, ныне просто и естественно

разрешена в общем порыве любви к родине: мать осенила и примирила сынов своих на груди своей. И нам не страшна борьба с неурожаем, с тяжестью несения войны, с промышленным застоєм... Так, под ударами вражеского меча, празднуем мы светлый праздник государственности".

Давно пора... Давно пора говорить такие речи! Не страшны бы, - нет, больше, - не *тяжелы бы* нам были и *легко бы мы справлялись* со стихийными бедствиями страны своей, вроде местных неурожаев и эпидемий, которым *как же и не случиться где-нибудь на пространстве целой 1/6 части земной суши?* - если бы не эта виснувшая на плечах правительства и, пожалуй, на горле правительства злоба и самые бессовестные обвинения общества и печати... Старая, семидесятилетняя язва Руси! Наконец ты закрываешься. Наконец слышится гражданский язык, а не язык каких-то угнетенных и возмущившихся рабов, которые ничего не могут, кроме бешенства и злобы. И, обессиливая во сто крат власть, буквально "вися на ней", - только лишает ее возможности делать то, что она могла бы сделать и чего они сами заместо нее никак не могут сделать, потому что в них нет ни той ремесленной и наследственной "трудоспособности", какую так пронизательно усмотрел автор в чиновничестве, ни знания техники государственной работы, не обладая которой, шага нельзя в ней сделать. Да и, наконец, кто высовывается и протягивает к власти руки из "общества" в дни волнений и переворотов государственных - по существу, мотива своего, по существу, сердца своего, - суть "проходимцы" и "авантюристы". Так говорит профессор политической экономии, знаток революционных движений в Европе, член 2-й нашей Думы, автор серии крупных книг. Много перегорело в душе его. Но не сгорела самая душа, а выплавил в себе золотой слиток таких глубоких признаний.

Он же говорит, - разумея общество и печать:

"Не погребали ли Церковь в душе народной? Не стало ли легким, дающим успех, выгодным занятием (о, какие слова! - *В.Р.*) ее постоянное заушение и оплевание? Но и здесь ошиблось маловерие. Смиренно, кротко и ласково опять собирает Церковь детей своих, и небо слышит всенародные моления тысяч людей, преклоняющихся на стогнах и в храмах, и попрятались в свои щели привычные ее заушители. И религиозный пламень, который зажигается ныне в сердцах людей, не пропадет втуне и не погаснет, ибо на религиозных путях таятся сокровища религиозного духа, - религиозно-историческое призвание св. Руси".

Обществу нашему действительно пора оглянуться на то, какое огромное, какое непосильное бремя возложило оно на порицаемое "правительство", - которое стояло перед задачей управления 1/6-ю частью суши среди населения - в одной части темного и не могущего ему умственно и технически помочь в работе, а в другой части - хотя внешне и учебно как будто образованного, но на самом деле, вследствие неправильности своего школьного и книжного

образования, вследствие изуродованности всего литературного развития, - вполне непонимающего, - что такое Русское Царство, что такое Русская Церковь, что такое наша совершившаяся история? Пройдет не очень много лет, и истекшие 3/4 века поистине страстотерпения русского "правительства", шедшего вперед и вперед, обливаясь кровью и слезами (плевки со всех сторон), - будут оценены как одни из самых великих смиренно-героических страниц всемирной истории. Будет это, будет - настанет, настанет. Глаза общества наконец откроются...

* * *

Столь же прекрасна высоко патетическая, горящая огнем и правдой статья г. Т. Ардова (в "Утре России", 14-го августа):

"Как-то весь холодеешь, сжимаешься, дрожишь от подступающего к сердцу и к вискам темного, одуряющего возмущения, когда читаешь о том, что делали и делают немцы.

К прискорбию, в нашей культурной толпе, обладающей в силу уже своей численности стадностью воблы, слишком быстро усваиваются шаблоны. Появился и тут шаблон: "Мы воюем не с немецким народом, а с прусским империализмом, милитаризмом" - со всякими "измами". Кто станет противоречить, тот сам сейчас же клеймится "измом": "шовинизм!".

- "Народ немецкий ни в чем не виноват, виноват Вильгельм и прусское юнкерство, народ - везде народ".

"Ради Бога, довольно, господа! Все это - благородные слова, но разве вы не видите, что это чепуха, софизм, которым могут утешать себя только малоумные филистеры, набитые нарочито добродетельными прописями и от этого не умеющие разобраться в простых вещах.

Нет, нет, не закрывайте глаз на жизнь. Относитесь как угодно к отдельным немецким пленным, но помните: все-таки *мы воюем с народом*, с немецким народом. Не с правительством, не с Вильгельмом, не с прусским лейтенантом, не с "измами", присущими германскому "рейху", мы воюем, а - с народом, который породил все эти милые феномены, как он породил и все другие гадости, вплоть до пасхальных берлинских открыток, на которых изображены свиные зады и женщины, сидящие в укромном месте. Вот эту самую художественную открытку и воплотили в жизнь те немцы, которые, везя в вагоне русских дам с детьми, запрещали им в течение тридцати часов пользоваться уборной, а потом остановили поезд, выгнали всех в поле, заставили отправлять естественные надобности и смотрели, как

это совершается. Вы думаете, что это они "озверели" во время войны, потому что им так кайзер приказал. Нет, нет, нет, наивные русские люди, - они *озверели уже давно*, они были скотами, когда рисовали эту художественную открытку, они тогда мечтали, чтобы посадить этак женщин и поглядеть.

А когда они бросали русских дам на грязный пол свиного хлева и затем брали по три марки за связку соломы, - нашим русским казалось, что они издевались над нами *по случаю войны*. Наши любители немецких курортов должны бы знать, что каждый паршивый немецкий метрдотель, с хамской надменностью беседующий с русскими победнее, называет назначаемые цены специальным термином: "дурацкие или русские цены (*narren oder russischen Preisen*)" и всегда издевается над русскими.

"Народ немецкий ни в чем не повинен"... Да, конечно. Есть огромное, подавляющее большинство *отдельных* немцев, которые ни в чем не повинны, но *все* немцы, но *народ* немецкий - Другое дело.

В Берлине был врач, притом профессор, одна из тех знаменитостей, к которым всегда ездят лечиться "русские свиньи", - который, едва лишь разразилась война, выбросил из постели больную, несчастную страдальицу, г-жу Туган-Барановскую, которая имела роковую наивность довериться его немецкой культурности. Изнеможденная, перенесшая ряд тяжелых операций, с лицом и головой, лишенными кожного покрова, она лежала вся в повязках, а он выгнал ее вон, отдал ее солдатам, и они сорвали с ее гноящегося лица бинты и открыли обнаженное человеческое "мясо", потом бросили ее в вагон и снова выбросили, не доведя до границы; кто-то подобрал ее и донес на руках, а через несколько дней она умерла от заражения крови. Заражение крови - это был ужас, висевший над ней постоянно, каждую минуту, оно угрожало ей при каждом неосторожном прикосновении грязных рук к ее лицу, при каждой случайности; и немец-врач хорошо знал это; он знал, что она потому-то и в его лечебницу пришла, что верила в его профессиональную аккуратность и в его гуманность; он знал, что ее не то что к солдатам отпустить нельзя, но нельзя позволить ей переступить порог лечебницы. И она умоляла его не отдавать ее, "спасти" ее. Однако он выбросил ее вон.

Скажите мне теперь, кто же это - "Вильгельм", "прусский юнкер", "империалист"? Кто это сделал? И что такое этот народ, если ученый, образованный человек и представитель гуманнейшей из всех профессий, которая призвана делать дело милосердия даже среди ужасов войны, совершает такое зверство?! Будьте покойны, германская врачебная корпорация и не подумала

исключить этого "врача" из своей среды. Да и не удивляйтесь особенно. Вы напрасно думаете, что этот "человек науки" озверел во время войны, слепо повинувшись кайзеровской дисциплине озверения. Он озверел давно, в мирное время, вместе со всем своим народом; он озверел еще тогда, когда, принимая приехавших за тысячи верст русских больных, нагло объявлял им вперед, что окажет помощь, если ему заплатят не меньше как сто марок.

Пусть мне скажут еще, кто же были те железнодорожные кондуктора, что не пускали женщин в уборную, что хватили дам за платье и срывали с них одежду? Кто был тот добрый Михель, что близ Инстербурга выбросил из вагона интеллигентную русскую девушку прямо на руки солдатам, которые тут же сорвали с нее платье и погнали пинками в казармы? Член империалистского правительства, "с которым мы воюем", не правда ли?

А те милые, добродушные Михели, что на станции дразнили несчастную мать с ребенком, умиравшим у нее на руках, потому что у нее от волнения пропало молоко, - дразнили, показывая ей в окно вагона бутылку с молоком и отдергивая ее прочь, - это тоже "юнкера", пангерманисты? А тот армейский младший офицер, что на глазах старика-отца и брата-юноши насильничал четырнадцатилетнюю русскую девочку и, когда отец хотел ее отнять, велел расстрелять старика? А те сотни и тысячи людей разных званий и состояний, которые набрасывались на русских, как звери, ощупывали их, обыскивали, снимали с дам юбки, заставляя их стоять голыми среди мужчин; те, что улюлюкали, били, щипали русских, проходивших сквозь их толпу, осыпали их скверной руганью на любимом "русскими свиньями" языке Шиллера и Гете; те, что выбрасывали из домов пожилки несчастных русских курсовых и заставляли их ночевать на улице?

Это что же, все идеологи милитаризма и империализма, а не *народ*? Не добрый и милый немецкий народ, не самый настоящий, подлинный народ Германии?

Да, это, конечно, народ. Я нарочно не говорю о тех, других, о немцах из разных ландверов, резервов и ландштурмов, которые, приехав из самых глубин народа, тотчас принялись резать раненым уши и другие выступающие органы, прикалывать пленных и стрелять в санитаров. Это - солдаты, и я нарочно отделяю их от народа. Но все остальные, но все остальное?.. Бели этих жалких, потерявших разум от страха солдат заставил озвереть ужас войны, лава русских казаков, то там-то, в мирной-то Германии, где же оправдание зверству?

Его нет. Да и нечего искать его, потому что народ этот озверел, оскотинел не сейчас, а давно, очень давно...

Он зверел вместе со всеми своими высшими классами, со своими кенигами и кайзером, со своими учеными и идеологами Германии, со своим *школьным учителем*, перед которым преклоняется наше общество, со своими учеными и философами недавнего прошлого, воспитывавшими эти толпы посредственностей в хамской морали сильного, в преклонении перед материальной силой.

Он зверел годами от далеких дней упоенья победами 1870 года, от пятимиллиардной контрибуции, когда из крови и горя униженной Франции создалось немецкое самомнение; он скотинел и наливался, созревал в годы раздувшегося "укрепления" Германии и в годы мошеннического грюндерства. Все материальное, все кровавое, все сытое выперло вперед в когда-то бедной, но великой духом Германии времен прекрасного Гейне и жидкого картофельного супа. Моралью страны, создавшей Канта, стало уважение к богатству и толстому животу, набитому колбасой и налитому пивом. Все, все, над чем с болью издевался Гейне, - заносчивость, надутость, алчность, продажность, бессердечие, - все это разлилось потоком по Германии. Победа 1870 года погубила "скромный трудолюбивый фатерланд"; случилось превращение - точно Франция времен Наполеона III перелилась в Германию целиком, со всей ее развращенностью, со всей заразой упадка. И началось падение немецкого народа.

В упоенье величием и силой, в мечте о всесветном захвате, о грабеже, о деньгах; о грядущем обилии свиных туш во дворе у каждого Михеля и кровавых колбас рос этот народ, росло то поколение, которое сейчас идет на нас войной. Вы думаете, почему Вильгельм так спешит налагать контрибуции на все города и городки, какие только попадаются на его пути?! Потому что вот уже сорок лет, как каждый "сознательный" пруссак спит и во сне видит контрибуцию будущего, которая должна превзойти контрибуцию 1870 года. Опаиваемый пивом, обкармливаемый колбасой и мясом, немецкий мопс пухнул и хмелел из года в год, глаза его наливались кровью, и скоро вся Германия стала похожа на одного огромного Бисмарка, на эту отвратительную фигуру, обсыпанную сигарным пеплом, пропахшую прогорклым вчерашним пивом и гордо выставившую вперед живот. Вся Германия, как та статуя Бисмарка, - нелепый колосс, глупым пятном испортивший зеленую долину прекрасной реки; точно насосавшийся клоп, уселась она посреди Европы.

В глубоком опошлении, в последнем угашении духа, коллективная немецкая посредственность зачеркнула все на свете, кроме "богатства и "силы", и сделала своим идеалом колониального "плантатора" из Камеруна, расстреливающего своих рабов, - Крупна из Эссена и его великого кайзера, этого Нибелунга двадцатого века, потомка "кровожадных азов", едущего на автомобиле, рожок которого играет "шествие богов в Валгаллу". Все символично в этой Германии - от Вагнера до Цеппелина, похожего на обширную колбасу, и до открыток со свинным задом!

И сам он, Вильгельм, - символ. Вовсе не он "идеолог" этой Германии. Какой он идеолог! Вовсе не он "виновник" этой войны. Болтливая посредственность, он сам - лишь воплощение этого народа, он сам только первый из немцев; и им самим движет та же стихия, что росла и наливалась гноем все эти годы. Он - только самый видный нарыв на этом общем гнойнике.

Нет, не Вильгельм, нет, не правительство, не юнкеры, а *народ, германский* *народ.*

Не нужно быть "мистиком", чтобы понять, увидеть, что народ этот - *глубоко падший*. И в этом объяснение всего".

* * *

P.S. Государь повелел именоваться нашей столице "Петроградом". Внешность, названия, одежды, как нам объяснял с кафедры историк Серг. Мих. Соловьев, - не пустяки. Они знаменуют поворот духа, это есть знамя движения, которое собирает и объединяет около себя людей. Взяв немецкое имя для столицы, им устроенной, Великий Петр сказал ясно, чего он хочет, как он думает. Мы два века шли по этой думе, по этому "хочу" - и пришли сперва к его "реформам", к благополучным войнам, и вообще ко многим успехам политики и гражданственности; но одновременно пришли и к построению целого мирозерцания "западничества", отвратительное и неотвратимое дитя коего есть маленький уродец - "нигилизм". Все стало мелеть и мелеть - и государственность, и политика: ибо какие же *строители царства* суть "нигилисты"? Они и на своих ногах не стоят - пьяны без алкоголя. Могучее "хочу" Государя в отношении наименования столицы указывает нам другие родники бытия: славянский мир и все те нравственные и политические начала, какие указывали славянофилы. Итак, заря новой войны - не только племенная борьба с германским миром, а и культурное возрождение России, возрождение на исконных русских началах. Ныне царствующий Государь твердо держит путь, начатый Его великим Отцом. Это путь новых идеалов...

Давно пора... Но вспомним же в дни этой войны славянофилов и поклонимся до земли праведным могилам их.

Кстати: теперь читается только "относящееся до войны"; но, господа, ничто так не "относится до войны", как творения Киреевского, Константина Аксакова, Ив. Серг. Аксакова, Хомякова, Тютчева, как "Россия и Европа" Н.Я. Данилевского, "Борьба с Западом" Страхова, "Восток, Россия и славянство" Леонтьева. Идите-ка, добрые люди, по магазинам да выбирайте эти книжки, и штудируйте по ним ваше завтрашнее "будущее". Учитесь, учитесь, господа, - учитесь другой и новой для нас науке! Новые зори - новые книги!

16 августа

РУССКОЕ ЦЕРКОВНОЕ ВОСПИТАНИЕ И ГЕРМАНСКИЕ ЗВЕРСТВА

Исключительные зверства немцев заставляют спросить себя: "Христиане ли они?" Вопрос естественный, на который ответ может быть очень любопытен.

Никто во время этих зверств не слышал окрика друг другу: офицера - солдату, солдата - офицеру или кого-нибудь вообще из толпы: "Ты - Христа *забыл*". В запальчивости, в раздражении, в мускульном движении можно "все забыть", и стать животным; но тогда, если дело происходит в толпе, сейчас кто-нибудь напомним около плеча: "Да ты *Бога забыл!* что ты делаешь?" О немцах нет воспоминания, чтобы кто-нибудь *напомнил*.

Очевидно, *забыли все*. Не удивительно ли? Отчего?

* * *

При "обязательном всеобщем обучении" все проходили в школе "закон Божий", да и правилами лютеранской религии требуется, чтобы перед первым причащением каждый причащающийся сдавал пастору краткий экзамен по христианской нравственности и по истории христианства. Лютеранская церковь благоустроенная, и пасторы - благоприличные, упорядоченные, нравственные люди. В университетах есть богословские факультеты, и лютеранское богословствование по научной высоте первое в свете. Кроме того, богослужение их почти все состоит в том, что пастор говорит проповедь слушателям, и эта проповедь всегда - на возвышенные религиозные темы, и преимущественно - темы нравственные.

Столько нравственного внушения...

А когда дошло до *дела*, вдруг все стали действовать как звери.

Стали действовать как толпою, массою, улицею. И ни в ком, ни в ком не пробежал *религиозный испуг*...

В нем почти и все дело... Ни в ком, ни в едином не пробежал тот безотчетный, суеверный, невольный испуг, который так же быстр и приходит вдруг, как и

животная ярость, и тогда, вмешиваясь в пути ее, ломает ее. "*Хочется убить, да испугался*"...

"Вырвал у матери ребенка, хотел бросить под ноги толпе на растоптание, да вдруг *почувствовал ужас*"... "Поднял кулак над старухой-женщиной, да *что-то остановило*"...

Вот этих невольных движений, слепых, но уже не разрушительных, а удерживающих разрушение, не было в немецкой толпе, столь религиозно обученной.

По-протестантски, по-лютерански обученной.

* * *

Никто не станет возражать мне, если я скажу, что таковое отношение русского человека и толпы русских людей к *беззащитным, к больным, к старым и к младенцам* - совершенно у нас немыслимо и непредставимо, что этого не только *нет* как факта и очевидности, как зрелища и действительности, но что этого настолько нет в нервах русского человека, в тайных эмоциях его, в порывах, что мы вообще и не боимся, чтобы это *когда-нибудь случилось*. Мы вполне уверены, что этого не будет и *в будущем*. Почему? По множеству причин, из которых назовем хоть некоторые: 1) просто - "не хочется". Могучее "не хочется", неодолимое "не хочется" таскать чужую, иностранную, лично ничего нам не сделавшую женщину - за седые волосы. Скажем грубым мужицким языком: "антиреса нет" (т.е. нет позыва, сладости, удовольствия так бить постороннего человека). 2) От татарского ига до теперешнего времени много прошло случаев, зрелищ, событий, и никто решительно не помнит, чтобы толпа накидывалась на ни в чем *лично* неповинных иностранцев, даже на больных иностранцев, и напр., срывала повязки с ран!" Ничего подобного за все века!!!

При всех бывающих ужасах и мраке народной жизни, у нас *лютость души* является всегда как *личное исключение*, обыкновенно - патологическое, на которое толпа и улица кричит и топает ногами. Никогда *толпа* не наслаждается тем, как бьет *один*. Толпа всегда делается озлобленною на бьющего. Этому, вероятно, всякий видал примеры.

В общем, в массе (об этом и идет дело) русская душа - сердобольная. Это никто не станет отрицать. Душа народная - грубая, темная, суеверная, но *сердобольная*. И еще другой признак: *испуганно вспоминает Бога*. Одно заглавие пьесы все говорит: "Власть тьмы". Взята и среда темная, мрачная; да и тема и мораль пьесы: показать тьму во всем ее развертывании. Что же, однако, мы видим: *все вспоминают Бога*. Аким *всем напоминает Бога*. Да и сам грешник, убийца собственного ребенка, говорит: "Ох, *скучно* мне! Гасите свет, убирайте водку" (со стола). Вот этого страха и тоски ни разу не выкрикнулось у немцев.

Столь образованных...

Что это? Отчего? Как?

Допустим особенную мягкость славянской породы, славянской крови, нашего русского "костяного состава". Она есть, конечно, и это - первый факт. Но я думаю, и на это хочу обратить внимание, что к доброму факту крови присоединился счастливый способ воспитания души, проистекающий из особого воздействия Церкви.

Как? Что? Где особенность?

Да в каждой церкви нарисовано большими красками на стене зрелище *болящего Лазаря!* Именно - в ранах и пластырях, как многие русские в Германии. Как же русскому может прийти на ум такого человека тронуть, когда он уже по количеству ран своих есть почти святой (народное "глупое и суеверное представление", но имеющее силу - запретить!).

И не трогают. *Больного никогда не трогают.*

А Змий на задней стене церкви? Для нас - смешно, а народ вглядывается и трепещет. Читает под самыми изображениями о "лютых" и "немилостивых" людях, которых Змий всех тянет в бездну. Девчонки-то тринадцати лет как трепещут (сам видал). А впечатление отрочества - на всю жизнь. И русские вообще "милостивы", этого вся всемирная цивилизация не отвергает.

Таким образом, картины поучают "с непоколебимостью" и "страхом Божиим". Тут слава Богу, что все глупо и суеверно, что тут - лес, где "ничего не разберешь". Ведь этот "Змий" с его подробностями ни в каких догматах не написан. Но оттого-то и выходит, что "смотрим и трепещем", и "больному иностранцу непременно поможем", трепеща о душе своей. Душа русского человека, во всяком случае, *испугана грехом*, чего решительно нет у немцев, и чего в протестантском богословии отнюдь не содержится.

Теперь я и перехожу к этому делу.

Лютер, Цвингли, Кальвин, - если говорить жестко, - все были в сущности *резонеры*, "рассуждатели о богословских предметах", теоретики, мыслители, писатели и говоруны. И по образцу их невольно все протестантские пасторы - резонеры же. Благочестивые, соглашаюсь, корректные, правильные, но - резонеры. И именно они "внушают" веру, внушают, как "правило поведения", которое в экстагический момент, как в июле - августе у германцев, "на ум не пришло", "забылось", "выскочило из головы".

* * *

Лютер, Цвингли, Кальвин и все пасторы не суть "святые", и протестанство (вообще) не знает самого этого дела - "святость". Там нет "святых" и нет "святого", и даже, например, сказать: "святая лютеранская церковь" - странно. Она есть (в сознании самого Лютера и всех лютеран) "правильная церковь".

- Мы, лютеране, имеем правильную церковь.

- Мы, русские, имеем святую церковь.

Совсем разница! Совсем другое дело! Совсем иная нежность души, совсем иной полет души! Наше отношение к Небу и Богу совсем другое: испуганное, томящееся, умиленное, восторженное, "обнимающее ноги Спасителя нашего". Христос незаметно переделан лютеранами в резонера же и есть просто Добрый Учитель, Благой Пастырь (пастор), совсем по образцу "их пасторов": существо корректное, правильное, всех обучающее.

В Христе у них нет тайны и чуда. У нас Христос есть изводитель чудес и тайн и всего святого порядка на земле. Совсем разница.

И святые, "где-то по горам", "где-то в лесах", - были всегда, не прерывались и дотекли до XIX века на Руси. Это есть самый главный факт русской церковной истории, стержень всего жития ее, - куда важнейший, чем все церковные реформы, все синодальное управление, все четыре духовные академии, все русское - без исключения - богословие. Без "святых" русская церковь немислима. Как нет "святых" - всему крах. А есть "святые" - хотя бы один-два-три за век, - все есть, цело, блистает, сияет.

Что же такое *святых*? Да вот приблизительно такой "Лазарь болящий", который "будет взят на небо". Образ святого показан в Евангелии, и Русь только "приняла" образ, ничего не выдумывая. "Приняла" - когда, напр., лютеранство ничего в этой стороне Евангелия *не поняло*. Лютеранство осталось глухо и незряче к категории *святых*; Лютер был слишком груб, слишком не утончен, чтобы воспринять эту тончайшую и главнейшую струю евангельского света.

И вот идет русский мужик, русская старуха, "в грехах и болезнях", "в страхе и недоумении", к "святому в лес" к преподобному Сергию - из Москвы, к преподобному Серафиму Саровскому - из Петербурга. Придет, заплачет, мямлит неразборчивые слова, а тот, отложив сухой хлеб в сторону, - и не слушает, а все знает, всю ее видит от рождения до "теперь", - и тоже заплачет, сердца как-то встретятся, и сердце мужика или старухи рассветится светом, и "узнала радость, какой никогда не видела". Что такое? Как выразить? Но разве для чудес есть выражение? Прошла "тайна Божия" между человеком и человеком, между святым "совершившимся" и святым "в возможности", - и второй вдруг поднялся на аршин над землей. "Точно будто лечу и крылья есть". Потом опять стал на землю, но уже память небесного - есть. Есть и неистребима. Он узнал сладкое, после которого "житейское" ему кажется горьким.

И он ест это горькое, питается им: но воспоминание сладости - есть, и "праведное" и "грешное" навсегда разделилось в нем.

А у немцев? У них есть только "корректное". И когда в движении мускулов и сердца ему пришлось совершить "некорректный поступок", то ведь что же в

этом особенного и о чем будет томиться душа? Он за "нелояльный поступок" и ответит "перед судом": но на этот раз (германские зверства) суда, кажется, не будет. "Тогда, значит, я совсем прав и чист".

Таким образом, немцы суть общественно-воспитанные люди, публично-воспитанные люди, но они не суть нравственно-воспитанные люди и религиозно-воспитанные люди. И потому, что у них нет категории *святого*, - а жизнь души начинается с нее. Русские же уже всегда, с тех пор как есть "Церковь" и в ней "святые", - уже воочию зрят и зрили постоянно собственно действительно высочайший образец человечности: и для всякого совершенно понятно и убедительно, насколько "поговорить наедине с Серафимом Саровским" воспитательнее и поучительнее, и просветительнее, нежели "прочсть страницу Гёте". Вот разница. При всей литературе и философии, при всех обильных и древних университетах, в душу немецкую не вплеснулись капли той "воды живой", "воды святой", какие вплескивались в русскую душу уже от времен татарского ига и киевских пещер. "Что-то сказал"... - Что? - "Не важно, *что*, а - *как* сказал и *кто* сказал"... "Даже *промолчал*, а только провел *пальцами по щеке*, - и *яутешился*".

И прикосновения... и слова... и жесты: у святого все это - *другое*, чем у нас, потому что *он сам - другой*. Русские люди и воспитались, видя "лицо святого". "В *лице*" уже все есть, все сказано, - сказано осуждение всякому греху, сказано поощрение всему доброму. Отсюда русские люди, кроме "святого в *живом*", так чтут "святые *лики*", и "образа", и "иконы". "Лицо все скажет", "все запретит", "к праведному подвигнет". Нужен был особенный тупой глаз немцев, чтобы не понять этого (отмена икон; а умный русский глаз подсмотрел "тайну *лица*" и икону удержали возлюбил. "Икона все говорит", "икона молитве учит". Как только пали "святые", у лютеран и исчезла вся категория "святости", - "иконы" неодолимо стали для них непонятны и не нужны. Только и ответишь: "Тупой немец".

Они и тупы все. Самые ученые. И - самый их Гарнак (личный друг императора Вильгельма), написавший "Сущность христианства", где подразумевается все это же его нищенское резонерство. Он написал, сам об этом не догадываясь, не "Сущность христианства", а "Христианство без сущности". В зверствах их и есть эта тупость. Это - не жестокие зверства, т.е. они сотворены вне игры сладострастной жестокости (зверства Французкой революции), а грубые, тупые жестокости, какие-то деревянные и какие-то болванные. Именно - "нет икон", и из матерьяла дерева у них выходит только "крепкая мебель". Так из материала "человек" германская якобы культура соделала только тупоголового "немца". Он и проявил в теперешних зверствах именно это тупое свое отношение к лицу человеческому. "Лицо человеческое никогда не свято, и по нему всегда можно колотить"... - "Больного? Старуху?" - "Больной есть только слабейшая и худшая форма человека, также - старуха: и если мы колотим здоровых, то тем паче старух и больных". Это просто осел рассуждает, но, поверьте, эти ослиные рассуждения суть обыкновенные немецкие рассуждения, - и они были, и непременно были, у совершавших зверства немцев.

Испуг? Почему никто не вспомнил Бога? Это все - вне категорий немецкого мирозерцания. "Лютеранство" и не есть "церковь", а - религиозная община, как наши штундисты или баптисты, той же категории и сути. "Собираются в залах", "слушают", "читают". Я как-то привел русского верующего в кирку в Петербурге. Было так чисто, хорошо, и я спросил: "Хорошо?" - "Скверно", - ответил тот. "Почему?" - "Да вы сказали, что приведете меня в *церковь*, а привели в *залу*. Против *ожидания* моего, это - скверно. А как зала - хорошо". - "Но орган?" - "Зала с музыкой и пеньем". Действительно, "кирка" не есть церковь, - никакая кирка. И Вильгельм справедливо надевает "воротнички" и "форму" пастора и "проповедует", потому что, что же тут особенного? Это как "старички" у наших беспоповцев: всякий может быть "старичком". Суть в том, что у немцев есть религиозные видимости, есть "очерки карандашом" как будто бы церкви и как будто бы духовенства, а на самом деле - ничего нет, кроме русской "беспоповщины", но без русского фанатизма, энтузиазма и подвига. Холодная, формальная беспоповщина. У них нет не только "святого" и "икон", а нет и священников, нет храмов, нет вообще религии, а только "рассуждения о религии".

Они забыли Бога: не в одних зверствах, а и вне их, до них, в самой жизни. С ними нет Бога - вот откуда зверства. Не они "Его не вспомнили", а Он о них забыл, как о существах малоодушевленных, плоских и грубых. Разве эксцессам толпы не предшествовала целая эпоха воспевания "бронированного кулака", т.е. "кулачной расправы" в истории и в цивилизации, - в международных отношениях, в племенных отношениях; "кулачное право", - да ведь это даже не явление только новой Германии, это и страница средневековой германской истории... Грубая нация, немцы всегда были грубы. Только тонкою кожицею, только поверхностным слоем лежала в их поэзии и философии культура - плод индивидуальных немецких воспарений к небу. Наверху, в одинокой башне астролога и алхимика, копался Фауст, а внизу двигались чудовищные образы Брунегильды и Фредегонды и всей кровавой и жестокой истории Нибелунгов... Чета ли это нашим благодушным Илье Муромцу, Святогору-Богатырю, Микуле Селяниновичу, Владимиру Красному Солнышку. Совсем другие сюжеты и напевы...

И вот с этим "напевом крови", которая всегда тянулась зажать крепкий кулак, совпала грубая якобы "реформация", под покровом которой, в сущности, произошло сбрасывание с плеч своих "церкви, как мира связанных между собою необъяснимостей, чудес, может быть, и суеверий, но - святых и возвышенных, суеверий глубоких. "Христианство рационализировалось" у немцев, т.е. перестало быть чудом и небесным, повелением, заменившись рассуждениями господ пасторов, - и рассуждениями самого честного, но грубоватого Лютера и его ученого друга Меланхтона. Все это не то, что чудеса св. Николая Мирликийского, - в его движениях благостных, порывистых, святых... "Связь Лютера с Богом" или "связь с Богом Николая Чудотворца"? Страшно даже сравнивать. О Лютере мы знаем, что он бросил чернильницу в черта, т.е., что у него были галлюцинации; но о нем не рассказывается ни одной из тех святых легенд, которые рассказываются о бесчисленных святых древней христианской церкви и русской церкви. Вся

"история лютеранства" есть чисто светская история, характерная "история из Иловайского", а отнюдь - не "священная история", не "жития" святых и мучеников. Все это - необыкновенно важно. *Самая почва* Германии - какой-то религиозный булыжник, а не живые цветочки, сплетенные из вздохов, из слез, из мученических подвигов, страданий и кровей. "Как им не быть грубыми", - скажем мы в оправдание зверств. Они - несчастны.

Несчастны религиозно и несчастны морально; как и "бронированный кулак" - есть несчастье международное и несчастье культурное. Он никого не зашибет и никого не искровянит, этот "кулак", - потому что на земле больше людей, чем зверей, и зверя в конце концов свяжут, а на "безумца" наденут смирительную рубашку. И не случилось бы это теперь, то случилось бы после, случилось бы со временем. Человеческая история есть и непременно должна быть частицею "божественной истории"; с которого-нибудь бока, но она должна освещаться небом и солнцем, а не быть только земляною, грубою, косою, болотною. Натиск "бронированного кулака" угрожал всему миру угнетением, а угнетение есть уже начало рабства. Вот чем грозила Германия Европе, - и грозила в беспредельных формах; так как что могло бы сдержать и ограничить этот авторитет, дорвавшийся до господства? "Власть помещиков", естественно, ограничивалась и угрожалась царскою властью; но, спрашивается, чем ограничилась бы власть и захваты прусских юнкеров с выставленным вперед императорским кулаком Гогенцоллерна, по мановению которого двигаются многомиллионные армии? На Европу положительно надвигался ужас... Мы знаем хорошо, что значит эксплуатация народа - народом, государств - государством. Тут завоюют, в нищете и прислужничестве, целые племена, города, страны. "Крепостное иго" может быть неисчерпаемо разнообразно, и оно везде гибельное; в нашу утонченную и хитрую эпоху оно выражается и оно достигается просто через торговые договоры, через разные формы юридических обязательств.

* * *

Выкидывая патологичные, всегда личные исключения и обобщая историю и быт, мы вправе повторить и сказать, что русский народ всегда был жалостлив и сердоболен, всегда был памятен о болящем, о калеке, о заключенном в темницу. Это "канон" русской жизни и русской души, из которого исключения мы и назовем исключениями. Исключениями нельзя корить народ, потому что они относятся к характеру и нервам лица, а не к "нравам народным", за каковые одни и ответствен народ. И "нравы" эти у нас - кротки и человеколюбивы. И вот мы тут вспомним Церковь и ее незаметное тысячелетнее воспитание, раньше грамоты и письма, слухом. Не западет в ум одному, то западет другому, - и на протяжении целой жизни *каждому* самому легкомысленному "западет" хоть раз слово, - что диакон на ектений молится о "страждущих, *недугующих* и *путешествующих*..." Как раз попадает в то самое, чем явились русские в Германии: болящие, разбегающиеся, испуганные, вне родины, "в пути сущие" (ектения). У русского просто "не поднимется рука" на такого и - *никогда* не поднимется. И нельзя не сказать и не вспомнить, что здесь, кроме доброй крови славянской, действует и тот "канон" души и жизни,

какой нам тысячелетие давала Церковь, давала и дает во всем христианстве *одно православие*. Просто "случилось", что эти ектений "не выпустили", "удержали". "Понравилось народу" и "сохранили в Церкви"... Ан пришел *случай*, и вдруг - "пригодилось"... Так-то незаметно сохраняются и сгребаются в кучу драгоценные частицы истории, привычек, быта, обрядов, по-видимому, "утративших" современность и более ненужных". И у католиков эти ектений не удержались, а Лютер вообще "все это и подобное" выбросил вон. И в XX веке прусские лейтенанты и вахмистры вдруг предстали перед миром какими-то голыми и дикими, религиозно-оголенными.

Много доброго, много хлеба и всякого зерна хранится по русским деревням, - по лесным и степным равнинам, но лучше всего эта пшеница Господня, сохраненная Церковью и которою питается русский народ. От нее - доброе и простое сердце, всех милующее и о всех болящее. Спасибо вам, попы, и спасибо вам, дьяконы, и спасибо им, нашим древним дьячкам, а теперешним псаломщикам, и господам звонарям. И в самом звоне они воспитывали русскую душу: ведь какой он добрый и ласковый. Я поражался за границей, до чего *психологически* несходен с нашим тамошней церковный звон... Мяукающий у католиков и какой-то пустой у лютеран.

Вот об этом мы все теперь должны вспомнить - и поклониться тому, кто это заслужил.

ОБРАЩЕНИЕ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО О ПОЛЬШЕ И О ЧЕРВОННОЙ РУСИ

I

Поляки! Пробил час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться.

Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ее. Она жила надеждой, что наступит час воскресения польского народа, братского примирения его с Великой Россией.

Русские войска несут вам благую весть этого примирения.

Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром Русского Царя.

Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении.

Одного ждет от вас Россия, - такого же уважения к правам тех народностей, с которыми связала вас история.

С открытым сердцем, с братски протянутой рукой идет вам навстречу Великая Россия. Она верит, что не заржавел меч, разивший врага при Грюнвальде.

От берегов Тихого океана до северных морей движутся русские рати.

Заря новой жизни занимается для вас.

Да воссияет в этой заре знамение креста символ страдания и воскресения народов.

Верховный Главнокомандующий генерал-адъютант Николай

II

5 августа.

Русскому народу!

Братья!

Творится суд Божий.

Терпеливо, с христианским смирением, в течение веков томился Русский народ под чужеземным игом, но ни лестью, ни гонением нельзя было сломить в нем чаяний свободы.

Как бурный поток рвет камни, чтобы слиться с морем, так нет силы, которая остановила бы Русский народ в его порыве к объединению.

Да не будет больше подъяремной Руси. Достояние Владимира Святого, земля Ярослава Осмомысла, князей Даниила и Романа, сбросив иго, да водрузит стяг единой, великой, нераздельной России.

Да свершится Промысел Божий, благословивший дело собирателей земли Русской.

Да поможет Господь Царственному своему Помазаннику Императору Николаю Александровичу Всея Россия завершить дело великого князя Ивана Калиты.

А ты, многострадальная братская Русь, встань на сретение русской рати.

Освобождаемые русские братья!

Всем вам найдется место на лоне Матери России. Не обижая мирных людей, какой бы они ни были народности, не полагая своего счастья в притеснении иноземцев, как это делали швабы, обратите меч свой на врага, а сердца свои к Богу, с молитвой за Россию, за Русского Царя.

Верховный Главнокомандующий генерал-адъютант Николай

СУДЬБА ПОЛЬШИ И СЛОВО ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Слова Верховного Главнокомандующего, Великого Князя Николая Николаевича, обращенные к полякам, - о воссоединении всех трех частей разорванной Польши под скипетром Русских Царей, с твердым тоном о даровании полякам вероисповедной, школьной, вообще всяческой бытовой самостоятельности, - дабы цел был и сохранялся впредь польский народ, как единый из славянства, - необыкновенно важны, и сразу почувствовались как необыкновенно важные всеми. Они глубоко и всесторонне приветствуются поляками, во всей Польше, нашей и еще пока зарубежной. Слова эти глубоко подводят заступ под наступающие и грядущие события. Ведь война могла быть и "такая" и "этакая", с переменою границ и выгодами, но - без мысли. Война могла быть мелкою по душе, при громаде жертв, лома, шума, гама. Но не так хочет Государь, воля которого молча присутствует за словами Главнокомандующего...

Государь дал мысль войне; война, в которую психически набиралось много истории, но все эти "собрания", естественно, бессильны без царского слова, - через это слово получают осуществление. Пыл народа, пыл населения, чтобы война была *историческою*, - получил себе фундамент. Ибо слово царское поворотов назад не знает и не может быть не осуществлено: весь народ встанет, дабы защитить и охранить слово царское в его чести, т.е. в его истине и осуществленности. Сказано и кончено. Поставлена цель войне, которая не может быть достигнута, *если бы мы не победили*: следовательно, слова Главнокомандующего уже молча подразумевают победу, уже вставляют победу как *содержание войны*. Мы не просто "воюем", завязываем и оканчиваем битвы, двигаемся сюда и туда, входим с триумфами в города или отступаем по необходимости. Это "шаги", и число их не считается в "походе". Совершается именно "поход", и конец его - Единая Польша под Русским скипетром.

Ни шагу в сторону. Ни движения назад, иначе как только временного, "покуда"...

Что же это знаменует? Осмысление польской истории и "как бы свежий ветер продул" в огромном, темном, сыром и каком-то чахлом углу русской истории. Боль Польши всем нам была больна, всему населению. Об этом говорилось и писалось разное, - но подспудно у всех русских была мысль, что "с поляками что-то неладно". Взглянем назад. Велики были преступления разных Августов Понятовских и (смотри "Записки князя Адама Чарторыжского") велика была порочность и падение целого того поколения, при котором произошли разделы Польши. Но *то* поколение, как и последний польский король, - и должны были быть наказаны. Однако народ есть не "это поколение", а - *все поколения* от того же одного корня. За что стало бы страдать наше теперешнее польское поколение, нам современное, а самое главное - за что страдали бы внуки и правнуки теперешних поляков? Без вины. Они уже не ответственны ни за грехи Августа Понятовского, ни за моральное падение людей конца

XVIII века. Виновны ли теперешние фабриканты Морозовы и профессор Ключевский за то, что в XVIII веке были Митрофанушки и Скотинины? Не в большей мере виновны и теперешние поляки - свежие поляки - в том, что тогда гноилась Польша. А они - *свежие*, эти теперешние поляки. Они трудятся. Они патриотичны. Они молятся. Они много страдали, и этим уже сказано все.

Но оказалось нечто светозарное и скрываемое, что собственно и открылось полякам и что их так и обрадовало. Именно это единственное и обрадовало. В то время, как Австрия манила их приманками провинциальной свободы, только провинциальной, не пророняя слова о *целизне* Польши, - и явно, что эту провинциальную свободу она увеличивала не по расположению к полякам, но для укора единой им России и для наибольшего увода поляков вдаль и вдаль от славянства, во вражду и вражду к главному средоточию славянского мира, а Пруссия цинично и явно поклялась стереть поляков с самого лица земли и убить самое население их в своих владениях, распылив его на бессвязанные индивидуальности, в это самое время был некто, кто казался им самым суровым, наименее обещающим, но втайне он-то болел о главном их страдании, не проронив никогда ни слова. Первые же слова Главнокомандующего и члена Царской Семьи - это-то особенно и важно - выявили воочию всего мира главное страдание поляков с такою полнотою, что сами поляки затрепетали, ибо и сами они скорее путались в этих мыслях, все говоря только о провинциальной свободе, надеясь на нее, хлопоча о ней, отчаиваясь даже в ней и представляя себе "восстановление разорванного народа" пустой мечтой, для которой нет в мире никакой опоры. Да и не было никакой. Самим русским это казалось несбыточным, и никто решительно из русских никогда не говорил об этом. В самом деле, как это "восстановить", когда это невозможно иначе, как по взаимному и разом согласию трех держав, в европейском авторитете равных и приблизительно равносильных? Желание одной которой-нибудь явно ничего не значило, - "одна" и оставалась при "1/3 Польши", которою она владела, и могла ее "восстанавливать", т.е. оживлять отрубленный член. Притом отношения к России уже были испорчены двумя восстаниями, а Пруссия явно была заинтересована в старой "полабской политике" (полабские *вымершие* славяне), т.е. чтобы поляков было как можно меньше и как можно скорее они превращались в пруссаков. Австрия же играла и хитрила около вопроса, конечно еще меньше желая лишиться Галиции, чем сколько она могла воздержаться от захвата Боснии и Герцеговины. У поляков не было друзей в мире. У поляков в мире были только враги. И поистине это была предсмертная нация, нация в агонии, которая, казалось, протянется еще век, и затем все кончится. Борьба за Польшу кого-нибудь? Кого?

Если даже взять, что пышное слово Наполеона I осуществилось бы, то ведь нужно было, чтобы преемники его, наполеониды, не только сидели на престоле Франции, но и были все, в целой генерации своей, ровно столько же сильны, талантливы и всепобедоносны, как первый Наполеон. А раз они ослабли и только держатся во Франции, - узурпация трех держав опять вступала в силу. Кто же от "дедовского" отказывается, кто же "дедовское" не

хочет вернуть себе? А "дедовское" - это "Галиция" и "Познань" и наш "Привисленский край". Опять три "трети", опять - "разорвано"... Да и Франция слишком вообще удалена от Польши, не прилегает к ней границами; и органически слишком с нею не связана, чтобы сделать настоящее и гигантское усилие ради, чтобы она была "цельна и полна". Откуда же "цельность"-то придет, т.е. главное?.. Неоткуда прийти, неоткуда ждать. Но прибавим еще худшее.

Цивилизация вообще, Европа вообще уже втянулась в рамки того сухого и циничного существования, когда вообще ничего не делается ради идеала. "Век крови и железа", о котором высказался Бисмарк с трибуны парламента, - высказался первый ее политический авторитет, сокрушивший две империи и которому внимал мир, как оракулу, - казалось, протягивал над Европой какой-то раскаленный чугунный свод, под которым отныне будут жариться народы, будут корчиться народы, будут высовывать жаждущие языки, и на них не упадет никакая капля росы. Ужасно, - и вместе точно, математично. "Сила создает право" - тоже формула Бисмарка, услужливо и удивленно подхваченная теоретиками государствоведения. "Ужасно, но зато научно", - и людям оставалось жариться по-научному. В Европе действительно настала и стояла какая-то удушливая атмосфера, которая казалась бесконечною, потому что, скажите, что ее ограничивало, кто ее ограничил бы? Тут не то что полякам, но и всем людям вообще становилось жутко и тревожно... Посмотрите, как "разделили" Африку? что началось было в Азии? во что превратилась, через какие-то неуловимые манипуляции, старая Турция, с Багдадскою дорогою и немецкими инструкторами, с низвержением старого султана и торжеством младо-турок?.. Пять колоссов, и только эти пять, расхватили по кусочкам землю (Россия не участвовала), - не озабочиваясь о других... И из колоссов об одном, о Франции, явно уже заходила и речь, и мысль... Франция трепетала. Безмолвно, но уже витала мысль о самой ее смерти, о гибели... "Останутся только четверо, - и там посмотрим, чей черед". На "чреде" еще стояла мысленно одна старая монархия. В сущности, в мире оставались, идейно и всячески, три колосса - Россия, Германия и Англия, или Англо-Саксонский, Германский и Славянский мир... Опять - с противоречием, опять - с антагонизмом. - Не эти державы, но вся цивилизация вступила в какой-то Молохов ужас... Без надежд, без исцеления.

Мы мало отмечаем черты родной истории. Мы, русские, чрезвычайно мало уважаем родную историю, смотря все в "иностранщину", все пяля туда глаза... Может, теперь это пройдет. Дай Бог. Не гадая о будущем, оглянемся на прошлое.

Когда наш добрый царь Александр III был приглашен к обеду Германского Императора, то по этикету ему был подан список приглашенных гостей. Он посмотрел и вычеркнул "Бисмарка"... Спокойно и не волнуясь, не запрашивая ни дипломатов, ни церемонимейстеров. Как Самодержец Российской Державы. Этикета нельзя было нарушить, нельзя было отказать Гостю и Императору. И создатель Германии отсутствовал.

Это было давно, в годы моего учительства. Года не помню. И прочел я это не в газетах, а как теперь помню - услышал от учителя С, следившего по газетам. Было это около 1890 года приблизительно. Товарищ С. был очень доволен, и когда я поднял голову с удивлением, что это значит, он с улыбкой ответил:

- Царь сказал: "Не хочу..."

- Как "не хочу"?!!

- "Не хочу сидеть за одним столом с Бисмарком"... "Я позван и мне будет неприятно". "Вы меня спрашиваете по этикету, с кем мне приятно, и я отвечаю чистосердечно, что с этим - неприятно". Вот и все. И он залился своим немного хитрым смешком. Добавив:

- И Бисмарк не был приглашен.

Передаю во всей подробности, как я узнал, дабы не было сомнения у читателя, что это - точный факт. Да историки и специальные политики, конечно, и знают его. Я не придавал *особенного* значения поступку, как и все, кажется, - пока не наступили наши дни, когда все это получает предзнаменующее значение. Ведь мы живем в царствование сына Александра III... С, мне рассказывавший (по роду он был из крестьян Смоленской губернии), формулировал свою мысль так:

- Царь не стеснился выразить Берлинскому двору, что лицо Бисмарка ему противно, потому что противен Бисмарк как человек... не вступая в пререкания, "гений" он или нет.

Поразительно, глубоко и объясняется только теперь. Царь Русский, может быть и даже неверное, - единственный из светочей, горевших верховенством в Европе ("верховная власть Государя"), почувствовал свою несовместимость хотя и с гением, но - с отвратительным человеком. Больше, сильнее: почувствовал и *сказал это*. Сказал и не смутился в великой своей человеческой ясности, в совокупности тех нравственных черт, о которых много говорили в связи с именем Александра III. Александр III, как известно, совершенно не выносил лжи и лживости в людях. А Бисмарк был весь ложь и лжив. Ему бы только "свой интерес" (германский). Он был циник. Цинизма и жестокости тоже не выносил Государь.

Ведь он - Русский...

И в нем как бы вся крестьянская Русь, вся бытовая Русь сказала о Бисмарке:

- Не хочу с ним есть одних щей.

Шабаш. Ничего не поделаешь с таким "не хочу".

Волевое расхождение.

Другое - Гагская конференция. Еще когда накануне ее никто и ничего не думал о возможности эры мира на земле, Русский Царь вынес из великого сердца своего жалость к истощению сил всех народов на непрерывные вооружения, - и предложил доброй воле европейских могуществ ("потентаты") им самим разоружиться, мирно выработав такие нормы вооружения, за которые "никому не переступать". Великое слово, великое движение, - и поистине оно украсило конец XIX века, как какая-то иная звездочка иного неба. Если бы мы, русские, не проходили мимо своей истории, если бы мы были к ней внимательны, а не недостойны ее, мы отметили бы особое значение этого слова. Во-первых, самого движения сюда не было ни у одного политика, ни - у Государя, ни - у министра; очевидно, все были совершенно в других и правдоподобно обратных темах; и, таким образом, движение это было *новым, впервые в истории*. Во-вторых, слово Государя вообще есть уже *факт*, и этого тоже мы не сумели отметить. В книгах могут пролетать и пролетает много мыслей, - которые авторы и плодят тем обильнее, что это вообще ничего не значит. Посему книги звенят "миром" и всякими благами, всяким счастьем человеческим, всякими человечеству общениями, которые едят мыши, съедая книги в библиотеках. Это вообще ничего не значит, пока есть мысль о мечте... Мечта подобна сну и содержит не более, чем сон. Но слово Государя совершенно на эти книги не похоже; оно не истлевает в библиотеках, потому что оно сказано миру и мир его слышит; слышит и приуготовляет сердце, перестраивает сердце. И отсюда, после слова изреченного - Государь уже связывается и связует сам себя этими перестроенными сердцами, этими обрадованными сердцами, этими отныне обрадованными сердцами, этими отныне надеющимися сердцами. Великое дело, совершенно недоступное никакой книге, ни единой. Отчего же все сразу слышат, когда даже Канта слышат одни его ученики? Царя слышат ученики и не ученики, его подданные и чужие подданные, согласные с его словом и несогласные с его словом. Друзья и враги. Весь мир. Отчего? откуда? Да оттого, что за словом царским стоит многомиллионный народ, стомиллионный народ, который только ожидает прибавления - "повелеваю", чтобы ринуться и исполнить, ринуться и осуществить. Этого не может ни Аристотель, ни Кант, ни Шиллер, ни Шекспир. У всех только желания, и эти желания - ничто; хороши - и мы называем их благородными, худы - и мы называем их злыми. Но из злого желания выходит хоть преступление, а из доброго желания даже и этого не выходит, если это не есть желание только личное и домашнее. Царь качает горами; повелел бы скрыть, и наша губерния, "не усомнясь", - скрыла бы. Горищу скрыла бы, самую огромную. "Повелел" - и Русь покрылась железными дорогами; Петр "повелел" - и вырос Ладожский канал, такой огромный и трудный. Все философы в мире не прокопали бы. Вот эту-то черту в лице Государя и в слове Государя мы и не уловляем, думая и соображая, что его слово есть как наши же слова, им подобное и лишь большее, но - *в одной категории*. Вовсе не в одной категории и совершенно разное. Мы даже не догадываемся, не умеем подняться умом до объема слова царского, из которого исходят миры; исходят и изошли уже, и ведь мы все это знаем, но видим и не видим, понимаем и не понимаем. В противоположность всем философствующим и всем поэтическим словам, всем бессильным

словам, слово царское есть творческое, живородящее, созидющее, как я сказал, целые миры. Сила, которая накоплена историей. За Наполеоном I не стояло накопленной истории, и дело его рассыпалось при всем личном гении. Таким образом, "сила накапливающей истории" гораздо могущественнее даже гения. А ведь мы-то лично, земные человеки, выше гения ничего не знаем. "Что же еще может быть выше гения?" Я указываю - история.

Отсюда вытекает, что слово царское не может никогда коснуться неосуществимого, и слово нашего Государя о всеобщем разоружении, или точнее - об ограничении вооружений в целой Европе, сказывало в самом своем изречении возможность, исполнимость. Кто указывает задачу - знает, как ее и разрешить. Предложение было совершенно мирное, - "к доброй воле"; оно было к "хочу", - но за этим "согласен и тоже хочу" других Государей, конечно, должны бы последовать определенные меры, план которых, пучок которых непререкаемо уже держался в уме. Таким образом, это не было вовсе одним "движением души", как у нас бы и как мы мысленно приравнивали к себе; "предложение разоружения" было колоссальным *поступком*, "началом переноса горы в другую сторону", но - только началом, за которым "совершения" не последовало. Как я сказал уже, предложение было совершенно мирным, обращенным к чужому "хочу" и поставленное от них в зависимость по той естественной причине, что Россия не есть Европа. Оно было именно "предложением" во всех его нравственных границах. Мы опять тут, русские, ничего не заметили, - а заметить было что. "Разоружение" или "ограничение" - это содержало перестройку всей политической системы Европы; именно оно содержало как бы прорыв того имеющего наполниться кровью пузыря, страх перед которым и заставил всех вооружаться... "Не дошла бы до меня очередь наполнять *моей кровью* этот пузырь..." Предложение устраняло *задачу* европейской политики, - эту циничную и злую задачу, которую дал тот, с кем кто-то один в Европе "не захотел есть щей". Итак, - колоссальное дело. Во все это не значило только "распустить войска", "уменьшить число пушек", что пока механично и арифметично, но - начать *иначе думать, перестроиться самому душевно*, перестав прежнего желать и прежним грезить... И что же, характер "мирного предложения" уже начинал эту перестройку души, - очевидно, произойдя уже из перестроенной души. За все время европейской дипломатики и политики, представляющей Вавилонскую башню хитросплетений, истинную "неразбериху" хитросплетения, - это был простой и ясный зов к всемирному человеколюбию, простое и все-таки несколько укоряющее указание, до чего вооружения тяжелы и непосильны населению Европы; это было предложение удовлетвориться тем, что каждый имеет, и оставить замыслы против соседа... Политическая система Европы возвращалась к простоте и ясности, к добру и правде. "Довольно плести паутину для другого", пусть каждый "пашет свое поле и ест свой хлеб". Вот новый план. Совершенно новый замысел европейской истории.

Из Берлина раздался циничный смех. Он вышел оттуда, откуда и поднялся кверху кровавый пузырь, - с родины Бисмарка. Смех обнаружил моральный центр Европы, черную точку этой морали. Вильгельм II, в сущности,

единственный в Европе выразил несогласие на предложение нашего Государя, - но, при громадных вооружениях Германии и постоянном росте их именно здесь, парализовалось все дело. Тут опять не отмечено было кое-что важное. Вооружалась держава, положим, 20 лет; в случае, если она сокращает наполовину свои вооружения, то она не просто ломает половину ружей и разбивает половину пушек (говорю образно и грубо, сокращая речь в ее побочных частях), но она упраздняет прежнюю *систему* набора солдат, комплектования офицеров, сокращает число учебных заведений для подготовки офицеров, погашает многие должности, многие кафедры, перестраивает некоторые учреждения и законы. Словом, это - не "порвать паутину", а - расплести кружево, сохраняя нитки. Тут - работа, копанье, а не одиночное "повелеваю", хотя началось все с него. Хотя Петр в определенный *день* сказал "повелеваю" о Ладожском канале, но копали его десять лет. Это - раз. Другое: только через десять или двадцать лет, и притом упорнейшего труда, можно было бы восстановить ту часть или ту половину вооружений, от которой данная страна "отказалась бы". Что же сделал Вильгельм II своим ответом: "Если Россия разоружится *первая*, то тогда и *после того* мы тоже разоружимся". Вследствие потребности *годов* на восстановление вооружений, как я сказал, слова эти означали только: "Я тебя съем и после того разоружусь".

Оставалось готовиться...

Что же еще делать с хищным зверем, который грозит всем, который не скрывает угроз, который действительно голоден и действительно силен?..

По-мужицки:

- Да переломать ноги зверю, чтобы потише бегал. Тогда волк овцу не догонит.

Раз все втянулось в пещеру Молоха, - остается выкинуть статую и разломать стены. "Воздуху! Воздуху!!" - "Жарко, душно!", - вот теперешняя война в ее корне, помимо подробностей политики. В сокровенности подробностей политики все-таки лежит царское "хочу". Это "хочу" сказало на Гаагской конференции. Совершенно параллельно идет суровое "не хочу с *ним* есть" - в отношении Бисмарка. Решительно ничем Германия теперешняя и даже будущая не угрожала России. Россия действительно и реально не имеет в войне других мотивов, кроме как идеалистических. Будучи по населению вдвое больше Германии, ускоряясь в росте населения скорее чем Германия, и будучи по технике вооружения одинакова с нею, Россия могла никогда не опасаться Германии. Германия объявила России войну в страхе перед ее естественным ростом, зная, что "теперь легче", чем "потом". Вот что создало обстановку и подробности войны.

Но в корне и глубоко лежит расхождение добра и зла. Лежит с одной стороны - "хочу поглощать", и с другой - "не допущу поглощать". В отношении Франции, а теперь также и Англии ("будущее Германии - на морях!") это настолько известно и не оспаривается, что говорить здесь нечего.

Вернемся к Польше.

Та полнота мысли о польской судьбе, какая содержится в словах Верховного Главнокомандующего, не оставляет места сомнению, что она родилась не в воинской ставке, пришла не в обстоятельствах событий, а зрела и вынашивалась давно. Здесь мы должны сказать упрек славянофилам. Они малодушествовали о русской истории. В горячей и, нельзя не сказать, поспешной полемике они твердили о себе, что одни только несут боль о славянстве, скорбь о славянстве, скорбь о "дедине русской", называя так стародавние века России и стародавние пределы России. И теперь только можно понять и постигнуть, почему официальное правительство говорило им - "сидите смирно". Мы всегда предполагали в этом холод, бездушие; славянофилы говорили, что это - непонимание. "Как! преследовать людей, стоящих на страже Державы, Веры Православной, Царя Самодержавного!" Действительно странно и, наконец, дико. До того странно и дико, что давно пора было догадаться или по крайней мере начать искать, не скрывается ли тут чего-нибудь другого. И были "отметины", по которым можно было начать следить и догадываться.

"Нас преследуют, когда западничество и, наконец, откровенный радикализм оставляются в покое". Западничество - только разговоры, радикализм мучил только студентов и гимназистов; и было ведь совершенно очевидно, что славянофилы и журналы их, к которым в высшей степени внимательно прислушивались "дружественные державы", вот у которых были в зубах кусочки Польши, - мешает чему-то гораздо более существенному, нежели смута в юности и либеральная оппозиция правительству. В преследованиях, напр., аксаковских журналов, богословия Хомякова, исторических идей Константина Аксакова, в быстром закрытии "Европейца" Ив. Киреевского, сквозило что-то едкое, пугающее, спешащее скорее "потушить" и чтобы "не было разговоров"... Тайна. И - какое-то ревнование. Можно было начать догадываться. Официальное правительство стояло "во всей форме" перед линией европейских держав - совершенно "европейское", как и они, и даже с говором ее дипломатии по-французски. "Язык салонов Франции и России, Парижа и Петербурга"...

Когда вдруг Главнокомандующий и Великий Князь заговорил крупно, порусски. Заговорил... о Польше, о которой славянофилы не говорили ни разу тепло. Между тем как что за "Славянский мир" без поляков? где "Мир" именно мирный, славный и славянский, без удушения даже и малейшей его частицы, раз польская народность раздроблена? Где идеал Гагской конференции - "каждый да пашет свое поле и ест свой хлеб"?!

Если бы слово Главнокомандующего и Великого Князя родилось только накануне дня его объявления и в трудах войны, - то, конечно, оно повторило бы только известные давно во всей России слова славянофилов. Но оно оказалось полнее их, и - в существенной части. Оно глубоко самостоятельно по тону - прямому и очень ограничивающему, по слову именно "государственному", а не литературному. Таким образом, оно стоит

совершенно вне традиции славянофильства и, следовательно, открывает собою какую-то другую традицию.

Какую? Чью? Кто думал? Никто не думал.

Вскрывает традицию великокняжескую? Таковой никто не может предположить, уже потому, что все Великие Князья повинуются, как и мы, хотя и единокорные и близкие к средоточию Рода; и никогда они не изъявляли Государственной воли и Государственного решения. Этого не было и как поползновения.

Чья же традиция?

Престола Царского. Вот о чем радость поляков. Что им мнения всех славянофилов, и постоянно говорливого Петербургского Славянского общества? Из него "шубы не сошьешь", - поистине "не сошьешь". Прекрасные и благородные мысли славянофилов суть именно то благородство, из которого ничего не выходит. Как, впрочем, и из книг Аристотеля. А поляки были голодны. Без шубы, на морозе. Они были без надежды в истории. Вдруг им открылось, что был Некто, кто всегда о них думал, - думал и молчал, болел и молчал... Пока не дошло до поры "сделать". И он "сделал".

- "Повелеваю"...

Разговоры кончены. Славянофильство "село на мель", или, пожалуй, оно в то же время "сошло с мели" творчески и огромно, блистающе и сверкающе. Мнение есть мнение, пока его не "захотел Царь". А он "захотел" - и мнение стало *фактом*. Славянофильство умерло, потому что оно оказалось ненужным и напрасным, только мешающим в параллельной мысли тому "официальному правительству", которое *одно* и могло *сделать*, - впрочем, когда Царь приложит к его способностям и силам: "*Быть по сему*". Великая ошибка славянофилов - ошибка за весь почти уже век их существования - заключалась в том, что они видели ум только в себе и сердце только в себе, отрицая ум и сердце в других и в другом. Грех их - в малодушии. Они были именно малодушны о Русской Истории твердя, но отвлеченно, о ней, что она "святая". Я продолжаю мысль о "Руси Святой": ибо откуда же бы эта святость самой земли, если бы она имела черную или грязную историю? По истории - историческое существо. Итак, Святая Русь им казалась менее умной и менее правдивой, чем их литературная и общественная партия. И вот откуда на них гонение, довольно понятное. "Что вы о себе думаете?" - "*Кто* вы и давно ли вы?" Ропот понятен - ропот того говорившего по-французски правительства, которое ведь могло думать и по-русски.

Как Пушкин, писавший французские стихи, так любил песни своей няни.

Неблагородное непонимание - уж нечего скрывать.

Мысль славянофильства оказалась не только бессильна, но и узка и даже холодна (участь Польши) - сравнительно с той громадой жара, какая жила и

тлела, и горела, и дожидалась случая, как традиция Престола. Вот что стало очевидно. Славянофильство умерло и паки воскресло. Но оно и воскреснуть-то может, только выговорив великое "прости". Ибо в его подозрительности было, конечно, много оскорбительного. Легко ли: оно обвиняло почти вслух все "официальное правительство" в отречении и от православия, и от народности, и даже от самодержавия!! Министрам можно вскочить, как в горячке: "Да ошалели вы - что же, дьяволу, что ли, мы, по-вашему, служим? Изменили Отечеству и втайне живем на содержании иностранных держав??" Действительно, как было понять постоянную формулу славянофилов: "Мы служим православию, самодержавию и народности, - а правительство нас *за это* гонит". Поистине, их даже мало гнали. Они были просто глупы.

Они говорили...

Они не понимали...

Они не имели веры... в того Суворова, который звался "фельдцейхмейстером", носил прусский мундир по уставу, - и пел за дьячка на клиросе, о чем не сообщал, конечно, Принцу Саксонскому, своему другу.

Русское "официальное правительство" было двойственно по двойственному сложению русской истории, начиная уже с Петра; но как Петр, заимствуя технически необходимые средства самозащиты с Запада, был, однако, коренным русским человеком, - так и правительство после него все-таки было в душе своей русским, несмотря на мундир и формы, на язык и внешние приемы. Но этот его русский характер выражался не в разглагольствовании и фразах, а в русской работе и в заботе о России. Да и странно было бы иначе. Какой же, позвольте, *предмет* имело бы правительство без этого? Без этого оно было бы не с "худым предметом" перед собою, но вовсе без предмета - что физически невозможно, что духовно невозможно. Разве может быть статуя без пьедестала, бронзовый всадник на ней без опоры? Между тем несчастье, ошибка и порок славянофилов заключался именно в таком воздушном представлении своей якобы воздушной истории, якобы безматериальной истории. Несносное было в этом то, что в корне такое представление держалось на личной переоценке себя: "мы всех умнее", "мы всех сердечнее", "мы только и умны", "мы только и сердечны"... Если взять, например, позорную страницу в "Хаджи-Мурате", где показан "день императора Николая I", то что же мы увидим и какой смысл вписал Толстой в эту страницу? Его можно бы спросить: "Так вы и думаете, что Русская История сложена из удачных и неудачных эпизодов ухаживанья за барышнями и дамами и что в самом деле le roi s'amuse [король забавляется (фр.)] и только?.. Извините, из этого ни Реймского собора не получится, ни нашего Кремля". Ведь и Реймский собор есть факт, и Кремль есть факт. История фактична, в камне и делах, в чугунах и событиях, - и этого колосса фактичности не опровергнешь изображением. История не виновата, если ее не понимает историк, но историк виноват, если он не понимает истории. И преступен, если не понимает ее по легкомыслию. "Вы прогулялись и мимо Кремля, и мимо Реймского собора", - можно бы сказать мнимой историчности

и Толстого, и Гюго, - и это именно вы *qui vous amusez*, а вовсе не *les rois s'amusent*". Между тем мы берем еще гениев, Толстого и Гюго. Что же сказать об остальных? Мы были неучтивы к своей истории, человек вообще был неучтив к своей истории; один из сыновей Ноя худо назывался, и историки не были ни Симом, ни Иафетом предмета, который они излагали и изъясняли.

Вот откуда все вытекло, и славянофилы почти фатально приняли ту точку зрения, которую имели все. Не они сотворили, а приняли яд, им поданный. Неоспоримо, что они были достойнейшими людьми своей действительности, своего времени, - и одни были "сынами отечества своего", а не "рабами отечества своего", - но и на солнце есть пятна. Таким пятном на славянофильстве было то, что они за официальнойностью не видели сердца. Мундир распахнулся, и мы увидели сердце, которое всегда болело. И болело по-своему, никому не подражая, болело из себя.

Болело Сердце Царское о Польше - болело особым Государевым болением, а не человеческим, которого мы и постигнуть-то не можем по той простой причине, что никогда не были царями. Есть особое "место царское" в мире, в действительности, - которого мы не знаем, потому что никогда на нем не бывали. И на "месте" этом есть своя мудрость и глубина, свои гнев и своя нежность, свои бури и свой штиль, и мы их совершенно не знаем, потому что это не "наше". Все - из веков, из седины, из незримой традиции от отца к сыну, от деда к внуку; традиции, которой мы никогда не подслушивали, и она едва ли есть в документах. "Реймский собор откуда-то вырос", и "Кремль как-то сложился" в стенах и башнях своих. Ни мы, никакие Иваны Семеновичи и вообще частные люди, ни все герои Толстого, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Островского, Гончарова, Писемского не слепили бы всеми силами ума и характера "стен Кремля". Вышел бы или обыкновенный домик, или коммерческая постройка. По жилищу и человек. Но также и обратно: по жилищу дом. Если жилищем Царя был Кремль - не по величине, а по художеству и своеобразию своему, - то мы должны же смиренно сознаться, что вообще в Лице Царском ничего не понимаем, что оно есть совершенно для нас непостижимо по совершенно другому историческому устройению. Мы - частные люди, он - Царь. Этим все сказано.

Посмотрите на слова Главнокомандующего: он не изъясняется, не заискивает (страшное предположение!), а - велит. Вот на что не обратили внимания, - что он *велит* истории, почти обходя людей. Как и подобает, ибо что же такое "теперешние поляки" перед умершими и еще которые будут жить?! Величие Государя - отпрыска царского, что у него шаг в версту, когда у нас в аршин, - и он даже и мыслить, и представлять себе не умеет "теперешнее поколение", а лишь генерацию их, весь народ. Поэтому Главнокомандующий говорит собственно в присутствии поляков, но - о Польше. Ему больна Польша, а не теперешние поляки. И теперешние поляки должны мыслить в зависимости от того, "как бы лучше Польше". По-народному бы говоря: "А иначе я вас приблю". Тон Главнокомандующего ни в ком не заискивает, ничего не ищет, ни в чем от людей не нуждается, а речет волю о Польше, и даже велит *так-то* быть Польше". Только смерд может понять слова о "быть под державою

Царей Русских" в смысле эгоистическом и своекорыстном. Но сверху далеко видно, из Кремля виднее, чем из частного дома. Уже "место царское" потеряно в Польше, и давно потеряно, да и не было искусно, и давно в Польше было неискусно. "Место королевское" там было маленькое и не мудрое. Короли, начиная с Владислава IV, не знали, что делать с Польшею. "У вас есть свои сабли - и защищайтесь", - ответил он украинцам, жаловавшимся на притеснения шляхты. Это - разруха; это "раздел Польши" за два века до ее реального раздела. Не было "управы с поляками" - народом пылким, увлекающимся, мечтательным, даровитым, но не государственным. И в долгих думах о Польше - в думах беззвучных - о судьбе ее, о будущности ее, конечно сложилось это бесповоротное решение не зарождать там "своего гнезда", ибо "гнездо-то" это было, по существу, мало, и всегда мало, а оставить ее лежать в Большом Гнезде, но лежать не стесняясь и емко, благоустроено и богато (талантливо). Не все народы живут государственно. Это особое призвание Божье, особый талант от Бога. Но народ может быть вполне прекрасен и вполне талантлив, если он целен, жив и спокойно раскрывает свои силы во всех областях, кроме единственной, которая ему "не далась", - политической. Поляки, конечно, погубят себя, если будут стараться выйти за пределы слов Главнокомандующего; да и не достигнут ничего, а только разобьются. Стена у Кремля - крепкая, и вообще большие царства живут в больших и прочных стенах.

"Тому дому тысячу лет стоять", а "та хибарочка через десять лет валится". Вот и все.

Поляки все это не столько обдумали, сколько этим всем "пахнуло" на них из слов Главнокомандующего. Слова как свалили их: такая радость! Именно, именно "восстановить племенное, государственное единство", залечить этот страшный порез и разрез. "Гдебы ни лежать, а лежать *в целости*". Громадным, в версту, словом - им указано "лежать в славянском Гнезде". Конечно, это не то, что "в немецком гнезде", где им вообще нет никакого места, никакого духа, где только ожидается всеми, ожидается *самими жителями, а не правительством*: "когда же вас - не будет?", "когда же вы *вымрете* или *переродитесь в нас?*". Ужасное ожидание, ужасная психология. Она давит на вас из соседнего дома, она уничтожает вообще "милого соседа", подкладывая на место его "врага". Как жить среди врагов, исключительно врагов, только врагов, везде врагов, всегда врагов? Душа застонет. Всякий человек есть человек, и он умирает без любви. А любви нигде взять, а любви нет. Все враждебно, враждебно из самой ситуации: "*поляки среди немцев*". География и быт, где антагонизм - в каждой точке. Зародится отчаяние - то последнее отчаяние умирающего, когда он молит о скорой смерти. "О да, и в самом деле - переродиться *в немца*", "*взять жену немку* и народить детей с нею полунемцев; в них останется *полуполяк*, во внуках - четвертьполяк, и через десять поколений - вовсе нет поляка". Вот. И нечего делать. Смерть. Умирать всем больно, а умирать всем приходится. Тяжелая болезнь рак, а как пришла - что же сделать. Поп знает, что делать; и могильщик знает, что делать. Этот поп - немец, эта могила - Германия.

А в России - жизнь, единая, целая, племенная, вечная и обеспеченная. "Определенная квартира, которую не расширить". Что делать, "все живем по квартиркам", домохозяев - не много. Дай мне дом, и я его проживу; заложу и начну на него "издавать сочинения". Такое - призвание, а к "дому" - нет призвания. Чтобы быть "домохозяином", надо практичный и крепкий ум, нужно постоянство в характере и неувлекаемость картами, музыкой, коллекционерством и сударушками. Вот сколько лишений и ограничений, вот сколько отнято самую судьбою у "хозяина". Зато у него дом вековой и все ширится. И садочком, и полем обрастает; свои лошади и недалеко роща! Чтобы "собирать" - надо талант, и "собираение" само по себе довольно томительная вещь, без удовольствий. Суровая вещь, скучная вещь. Я бы не стал, а все бы растратил на коллекции. В космической экономике, в конце концов, "хозяин" собирает для жидьцов - для этих музыкантов, коллекционеров, художников и (что делать!) прощальг. "Хозяин - он *терпеливый* и всяких жильцов терпит". Терпение? Вот качество, которого никогда не было у поляков и которым решительно богат русский народ. Это всем очевидно, это все признают, и это одно соделывает русский народ государственным. Русский народ не просто государственный, но он глубоко и обширно государственный. Кроме терпения, его молчаливость, его скромность, его "неразболтливость" - какие все качества! Ведь русские качества "в литературе" и русские качества "в действительности" далеко не похожи друг на друга. В действительности-то русский народ именно не болтлив, в противоположность персонажам литературы, где лица "должны разговаривать" по самым задачам книги и читаемости. "Зачем же я тебя, дурака, вывел, если ты не разговариваешь?" - может улыбнуться на Рудина Тургенев. Вот почему все персонажи романов есть приблизительно Рудины - разных тонов и цветов и оттенков. Это задача ремесла и невольность техники. Литература имеет свои секреты, но и действительность тоже позволяет себе иметь свои секреты.

Молчаливый, деловитый народ. Серьезный народ. Посмотрите в церкви. Вы смотрите его не в клубе, не в газете, а в арсенале, в мастерской, за плугом в поле. Он везде молчит. В поле молчит и пашет, в церкви молчит и слушает. "Мудрствует" и "умиляется" - два качества царственности. Газетный народ и клубный народ государства не строит и истории не делает. Это - пустой народ, и вовсе не с ним Цари делают историю и построили свое Царство. Они в молчании строили с молчаливым народом, который не роптал, когда его наказывали за дело, не роптал и тогда, когда казнили за преступление. Все это - серьезно, и серьезный народ понимал, что жизнь - не игра, а ответственность. Ему было любо Государство в самых казнях, - ибо, казня, Государство видело в нем душу и человека, а не игрушку, с которой позабавиться. Увы, литература только "забавилась" около человека. Народ любит ответственность, народ хочет ответственности, потому что все это кричит ему: "Ты - человек". Ведь литература ни разу ему не сказала дорогого - "ты человек", все забавляясь и обмазывая его вареньем, как куклу. Ему не варенья нужно, а царства, истории, страдальчества и величия. Таков мужик. Таков поп. Таков солдат. Посторонитесь, господа литераторы.

Полякам все это открылось. Они поняли. Им открылось не одно милосердие, но мудрость и твердость. Милосердие может и не спасти; на слова - "Христа ради", может сказать - "Бог подаст". Но мудрость и твердость упасет "жезлом железным". Жезл-то он жесток, да зато спасает. А полякам нужно спасенье, они задыхаются, и им не до газет и рудинских разговоров. Теперешний поляк серьезен, и он давно уже стал серьезен - с тех пор, как ушибся о два восстания. Он терпел и размышлял - главное, терпел. Он смирялся - великое царственное качество. С великим терпением Цари и дожидались "своего времени", и дар угадать "час" - есть дар именно хозяина дома.

Царь угадал час. Благословим этот час.

15 авг. - 16 сент.

НЕМЦЫ У СЕБЯ И У НАС

- Пожалуйста, когда вы вернетесь в Россию, скажите же всем русским, что мы любим их и всегда любили, - и чтобы они поскорее заключали с нами мир!

Русская умная барыня, которой говорили это берлинцы несколько дней назад, низко кланялась им и отвечала серьезно:

- О, я передам в России все, что вы говорите мне, и, может быть, мир в самом деле...

Трудно было выговорить, что "мир заключится" от этого обмена любезностями, - и потому она оканчивала свою речь не определенным обещанием, а неопределенною улыбкою.

Накануне объявления войны Берлин затих, как перед грозой, и улицы обезлюдели. И было жутко видеть, как кайзер один носился по улицам на своем известном каждому немцу автомобиле, всюду жаждая встретить толпу и ища оваций. "Он был как пьяный, - передавала мне наблюдательная знакомая, - в этих поисках народной поддержки. Только приехав сюда и прочитав манифест Государя о войне и изложение дипломатических переговоров перед войною, я узнала истину. В Берлине и Германии Вильгельм всех заставил поверить себе, что войну объявила Россия Германии, а не Германия России. И разные политические партии, между прочим социалисты, бывшие в принципе против войны с Россией, после этих уверений Вильгельма перешли на сторону берлинского правительства, - и даже сокрушенно стали говорить, что Вильгельм, предвидя такую коалицию против себя, был прав, требуя все новых и новых ассигновок на армию, а они, делая оппозицию этому, были не правы".

- Берлин постоянно расцвечен флагами, и немцы держатся в постоянной уверенности, что они одерживают непрерывные победы... Только австрийцев они упрекают, что те плохо дерутся с русскими...

Она переждала время суматохи, не старалась вырваться сейчас же по объявлении войны и выехала совершенно спокойно - на Стокгольм и далее, морем, в один из портов Финляндии и в Петроград. Ничего с ней особенного не случилось. Может быть, от случая, и может быть, от любезности. Она уже не первый год лечилась в Берлине, и знакомства и связи у нее там были старые.

Она определенно передает, что в Берлине учитывали пьянство при мобилизации; вообще, рассчитывалось на смуту, на забастовки, на восстание Польши и Кавказа, а во внутренней России - на алкоголь. Вполне рассчитывалось на смуту в Прибалтийских губерниях и в Финляндии. "То, что мне говорили уже на пути к Петрограду - о полном единодушии в России и о чудном виде трезвой страны, - было в высшей степени удивительно после берлинских выкриков на улице. А теперь в Петрограде я вижу, что Россия точно вступила в какой-то Светлый праздник".

А знаете ли, отчего стоит Светлый праздник не только на улице, а в сердце каждого русского? Обывателю, особенно мелкому обывателю, не очень понятны международные отношения и далекие исторические и политические перспективы, но ему в высшей степени понятна бытовая сторона жизни, и вот в ней-то он чувствует начало громадного и благодетельного переворота. Если "Германия" давила и давит на все в Европе, то "немец" давит и с незапамятных для обывателя времен давил на все в Петрограде и во всей России. Возьмите телефонную книжку Петрограда, возьмите "Весь Петроград" и "Всю Москву", да, пожалуй, и "Всю Россию", и посвятите вечер на вчитывание в эти достопримечательные книжки и на изучение по ним "служб в России" - служб, должностей в Петрограде. Поистине, Петроград и Россия - какая-то колония для Германии, колония богатейшая естественными произведениями, но безлюдная в смысле культурного элемента, - и вот немцы посылают своих "молодцов" сюда, младших сыновей патриархальных семейств, "обучать уму-разуму русских" и извлекать выгоды из богатой "первобытной страны". Но "молодцы" не обучают, потому что какая же им выгода обучать? Чем темнее и невежественнее Россия, чем порочнее и пьянее русские - тем все это хлебнее и выгоднее для немца. Возврат к трезвости русских - это нож для немца и для немецкой работы в России. Чем конкурент слабее - тем его противнику легче и выгоднее. Русские, у которых так счастливо и поистине провиденциально слилось начало войны с Германией с началом освобождения от зеленого змия, - почувствовали оба движения как начало сваливания с груди тяжелого камня, под которым мы прямо задохались. Россия задохалась в немце и задохалась в своих пороках. И как-то эти два зла шли рука об руку. Я как-то, лет десять тому назад, спросил немца, открывшего "свое заведение" по части портняжной:

- Что же, у вас работают русские?

- Нет, - ответил он, - эстонцы.

- Эстонцы? в Петрограде? отчего?

- Невозможно или очень трудно найти русского мастерового, который бы был трезв. А вы знаете, наше заведение требует рабочего приличного, чисто одетого, потому что к нам приходят заказчики - не простые люди.

Я не мог не пережить боли в груди: что же остается русским, если даже портные в Петрограде - преимущественно не из русских?!

И так - везде. Посмотрите телефоны. Русские везде спущены "как можно ниже"... В службах, и очень высокопоставленных, и в средних, в службах официальных и в работах практических. Возьмите приготовление лекарств, возьмите запасы лекарств - оптовые их склады. Я думаю, такого чуда, как "русская аптека", никто не видывал. Я говорю о "русской аптеке" не по фирме и выставке, а по существу, т.е. с русским составом служащих от верха донизу. Что же делает, как работает для России кафедра фармации в наших восьми университетах? "Фельдшеры" - все русские, но "провизоры" - все немцы или евреи. Неужели для бедных русских нельзя было назначить стипендии специально для приготовления фармацевтов, ввиду исключительно по всей России занятия службы при аптеках нерусскими? Неужели здесь нельзя было приставить зоркого глаза и деловитой руки? Как себя чувствует в эти дни и как ведет себя с давних пор Медицинский департамент Министерства внутренних дел?

Эти бытовые вопросы стоят у каждого обывателя в душе. Русским, хотя бы из той же несчастной учащейся молодежи, нашей бесприютной молодежи, - надоело "топтать тротуары" в собственном отечестве; топтать тротуары и заниматься революцией, при благосклонном содействии посольств некоторых бывших "дружественных держав", которые, к счастью, теперь с нами раздружились. Клик "война!" слился с другим криком - "русские - к работе!!". И вот отчего у всех так хорошо на душе. "Наконец-то мы этот немецкий ошейник сбросим с себя".

* * *

- Немцы очень трудолюбивы. Притом они все сплошь трудолюбивы, а не некоторые из них. Этим трудолюбием они достигли всех своих успехов в Европе. И если прислушаться к их суждениям, то заметишь, что они смешивают самую культуру человеческую *трудолюбием*. Они решительно разъярены теперешнею войною, и по странному мотиву: "Мы, немцы, *работали* - а теперь другие народы хотят отнять у нас плоды этой работы, хотят быть *чем-то* в человеческой культуре наряду с нами. Но мы - *высшие*, потому что мы прилежны, а другие народы суть *низшие*, потому что они бездеятельные". Мысль эта такой же плод немецкой школы, как и немецкой семьи. Но...

И моя собеседница, очень умная южнорусская помещица, рассмеялась:

- Вы знаете, о чем они сокрушаются при теперешней войне? Они кричат и жалуются: "Сколько же нам будет *стоить прокормить* всех этих пленных?!" - говоря о взятых в плен на войне!! Их занимает *счет расходов*. И в душе

каждого немца лежит расчетная книжка. Все к ней приноровлено, все с нею сообразовано. И самое "прилежание" немецкое не есть что-то человеческое и прекрасное, не есть русский "подвиг", не есть русская "страда" (летняя уборка хлеба), а что-то машинное, тупое и бесчувственное. Немцы глубоко нехудожественная нация, глубоко некрасивая нация. Во всем - в понятиях нравственных, в бытовых явлениях - они лишены всякого вкуса. И живя среди них - как мне подолгу приходилосьживать, - все находишь в высшей степени удобным, но самая жизнь как-то скучна, бессодержательна, неинтересна.

- Например?

- С ними "не о чем поговорить", и этим все сказано. Русский худ или хорош, умен или глуп, но он сам по себе. У каждого русского есть свое лицо, есть свои личные взгляды и своя особая личная биография. У немцев есть только толпа, общество, масса. И есть взгляды или, вернее, выкрики толпы. Например, вы знаете, почему они особенно уверены, что "победят"? "Разве мы можем не победить, когда у нас каждый солдат знает, из-за чего ведется война?" - Собеседница моя улыбнулась. - Но вы знаете, в чем заключается это "каждый солдат знает"? Действительно, в каждом полку и в каждой роте офицер почти по шпаргалке прочитал солдатам краткое "разъяснение о войне", составленное в Берлине в тупой канцелярии и изложенное тупым, казенным, бездушным языком. Солдаты счастливы, что начальство сочло долгом "разъяснить" им; но вы понимаете, какое это "разъяснение" и чего оно стоит! Есть какая-то безграничная тупость и в этих "объясняющих" офицерах, и в этой краткости, и в этой казенщине дела, которое все кипит огнем и кровью. На вопрос их: "Есть ли что-нибудь подобное у вас, русских?" - я ответила: "Наши солдаты знают, что войну объявил Царь. Они не имеют никакого колебания в том, что Царь знает смысл войны, знает ее необходимость и пользу. И они готовы умереть за Царя и идут на войну, как на святое, правое дело. По моему мнению, это "у нас" еще лучше и крепче, чем "у вас"... Немцы ужасно сердились. "О, да, у русских вся сила в Царе".

- И, поверьте, - договорила она, - немцы ужасно завидуют этой особенной русской исторической крепости. И боятся ее...

Все это очень умно, все это очень верно и совпадает с тем, что мне приходилось читать о Германии и о немцах; совпадает и с тем, что лично мне приходилось улавливать в многочисленных разговорах с немцами.

Немецкие книги интересны и нужны, но сами немцы неинтересны и как-то ненужны. Если без кого можно обойтись в мире, то это - "без немца". Вот уж без кого не "затоскует" душа, не "защемит" сердце... Пиво, а не виноградное вино; бочки пива, а не драгоценный фиал душистой влаги. У немцев есть собственно одно великое и благородное явление - Гёте, и "помимо Гёте", их всех можно бы вытолкнуть из человеческого общежития. Но "Гёте" в теперешней Германии угас; в прусской Германии - он и не зародился. Пруссия - это грубость и самодовольство, и самый их "патриотизм" - какое-то собрание словесных шаблонов, а не тайна души и сердца. Знакомая моя говорила еще:

- Их церковь - не в кирке, а возле памятника Бисмарку, против рейхстага. Вот куда они ежедневно сходятся, с детьми, с женщинами, и преклоняются перед этим памятником. И, смотря на их отупенелые лица, на их жесты и позы, - видишь, что это религия, что это молитва... Государственная религия, - и другой немцы не имеют. Они молятся молитвами королевской Пруссии и императорской Германии, и эти молитвы - к захвату еще и еще, к господству над другими, но к господству совершенно бессодержательному и бессмысленному. Во имя чего захват? Что самое главное наверху? Нет ответа, они сами не знают И они так тупы, что не спрашивают об этом. Это действительно страшная и тупая нация, - и горе подпасть под нее, потому что она раздавит, не рассуждая, - съест вас как простой бифштекс. Вы знаете, живя в Германии, я никогда не слыхала слова "Христос" или "Божия Матерь"; и наше привычное, наше повсеместное - "Христа ради" не только отсутствует у немцев, но и есть что-то невообразимое у них. У них есть только "Gott". "Бог" - чисто отвлеченное, чисто пантеистическое понятие. Впрочем, не очень пантеистическое", - она произнесла по-немецки поговорку. - "Бог - это есть немецкий Бог" (чуть ли не "Бог - немец")...

И она засмеялась их чистосердечному выговариванию этой поговорки.

Страшная нация.

- Победа погубила бы немцев; пораженные - они, может быть, опомнятся. Потому что человеческое и разумное убеждение не может на них подействовать.

Все это любопытно. Все это мы должны знать, чтобы знать, с кем мы боремся. Зверь сильный; воистину, ницшеанский "сверх-человек", или старый библейский "Навуходоносор", лишенный от Бога разума и питающийся, по подобию бессловесных, полевыми травами...

ДЕПАРТАМЕНТСКИЕ НЕМЦЫ

Ум и даровитость человека ни в чем так не выражается, как в *скромности*. Это - светская и житейская сторона того, что у святых и в Церкви именуется "смирением". Слова Христа: "Кто из вас хочет быть первым, - да *послужит* всем", "первые да будут *последними*" - падают сюда, указывают эту особенную ступень человеческого достоинства. Без преувеличения можно сказать, что нет человечности там, где нет скромности; что ее отсутствие зачеркивает все прочие стороны души, все другие качества и таланты. "Хвастливый *победитель*", "хвастливый *ум*", "хвастливая *филантропия*" - как все это несносно, как черно, как некрасиво...

Тут-то мы и уловляем немца и его "культурную роль". "Скромный немец", "немец, который *послужит* всем", и, наконец, "*скромный немецкий ученый*" - это что-то неслыханное, это - такое, чего мир не видал. Немец - всегда с нахрапом, стучает ногами, высоко держит голову и требует себе первого места. "Германия в Европе" вполне отражает собою "немца в обществе", "немца в колониях", "немца в Петрограде". Роль их в России, казалось бы,

требует величайшей деликатности. Все-таки они сюда *пришли*; все-таки они здесь получили себе *хлеб, жизнь*, все; здесь они "сыграли свою роль", "выковали свою судьбу". Помните, в 60-е годы, когда русские образованные люди толпами бросились в Соединенные Штаты, в тамошнюю "гражданскую свободу" и "свободный труд", то как богомольно они туда приходили, какой культ к новому отечеству питали и какие благочестивые легенды рассказывали о новой стране; легенды, столь непохожие на все, что писал о Соединенных Штатах Ч. Диккенс. Вот отношение. И от крестьянина до барина, от паломника Даниила, ходившего "ко Святым местам", до князя Одоевского и Тютчева - все русские, приходя в чужие страны, - отдавали прежде всего чужим народам и землям удивление, любовь, уважение. Презрительных описаний "заграницы" в русской литературе почти нет, встречаются только краткие афоризмы в этом роде какого-нибудь ипохондрика-сатирика.

Писать об этом тяжело и трудно, ибо как будто впадаешь в хвастовство. Но *дело* показывает именно таковое отношение русских к иноплеменному. То же - в отношении *иностранцев*. Читайте у М. Пришвина о лопарях, о киргизах. Право, русскими похвалами можно устлать всю землю. Всюду-то в мире мы приходили, чтобы "полюбоваться чужим". Да это общеизвестно.

Что же сделали немцы, приходя к нам не только тысячами, но миллионами, - как колонисты, как промысловые люди, как чиновники?

- "Свинья". - Они нас "обозвали", а они нас не полюбили. В русской доброй душе они ничего не увидели, кроме (извините) свиного рыла. Немцы так говорят, культурные немцы так выражаются, что приходится извиняться. Русская душа, русская жизнь - все осталось темно для них. Русский может сказать только:

- Тупой немец, ты вообще *ничего не понимаешь*. И еще:

- Между вами есть ученые; но между вами совершенно не попадается умных людей.

Это - вполне заслуженно. Это просто показывает глаз. Это не похуждение, это - определение.

И вот несносное положение. Говорю особенно о Петербурге. Придя сюда "в шлейфе" разных высокопоставленных особ, - они ничего не поняли в окружающей стране, кроме "хлева", и расположились в нем совершенно просто... Поистине, и - "*ноги на стол*"... Они не поняли, и вот уже два века не понимают, что русские уступают им только по скромности; что они не говорят своих настоящих определений о гостях своих - только из учтивости. "Пришелец - то же, что *сирота*, пожалеем его". "Не осудим, не возразим". "Особенно - не пересмеем". Но немцы ничего не поняли в этой деликатности. Они к определению русских "свинья" прибавили только: "это *ни к чему не годная* свинья, которую и *выучить невозможно*". Таковое отношение, наконец, прорывает терпение...

Довольно, господа немцы... Мы вас всегда видели, всегда понимали, но жалко было огорчить колонистов и странников. "Они на чужой земле, тоскуют об отечестве, - пускай поругаются, легче станет". Те так и распустились...

Мне пишет по поводу указания на немецкие *служебные* захваты один петроградский департаментский чиновник:

"Хочется вам передать давно накипевшую горечь ста русских чиновников одного из важных департаментов - департамента NN.

Секретарем и *вершителем* (подчеркивания везде мои, в письме их нет. - *В.Р.*) судеб личного состава служащих там является фон Д., человек *малообразованный, плохо владеющий русским языком*, но почему-то он пользуется у директора полным влиянием. Так как фон Д. глуп и ему нельзя поручить ж..... дел, то ему поручено заведовать личным составом, благодаря чему создалось покровительство немцам при назначении на должности, прибавках жалованья, приеме на службу, и т.п. Он получил генеральство, ничего не делает, а сваливает работу на других, русским же всегда старается подложить свинью. Говорят, что ему протезирует какая-то ф.....немка.

Вопрос этот - типичный, общий. А потому если я пишу, то делаю это не в личных интересах, тем более что я уже там не служу.

Немцы везде так давили нас до сего времени, что мы, русские, пикнуть не смеем. Никто не решается на то, что я делаю в данный момент. Но я уже не служу там и потому застрахован от непосредственных пакостей немца, могу позволить себе написать вам такое письмо.

Крайне грустно, что директор этого департамента - русский Г. Я бы мог вам порассказать много интересного про поведение немцев в стенах этого департамента".

В письме прописаны полные имена - и департамента, и русского его директора, и воротилы-немца. Я начал с рассуждения о скромности. Никто не запрещает немцам служить. Но естественно ожидать, чтобы они служили в России и жили в России скромно. Неужели это не бесстыдный "нахрап" со стороны немки, жизнь которой состоит в "комнатных услугах" в очень высоком доме, - рекомендовать соотечественников на гражданские и технические службы совсем другого ведомства, и, рекомендовав и устроив, потом на этой службе и "протезировать". Вспомнишь стих Лермонтова:

Люблю тебя, моя комета,
Но не люблю твой длинный хвост.

Но немцы - и особенно немки - у нас всегда с "национальным хвостом"... И вот такой немец, опираясь на соотечественницу, вместо того, чтобы смиренно кушать служебный хлеб и не помышлять о большем, заводит "немецкую тенденцию", или случается - "армянскую тенденцию" (встречал сам это), польскую тенденцию, финляндскую тенденцию, - решительно ко вреду русской службы, русской работы. Он разбивает дружные русские ряды, дружную русскую тягу... Ведь каждое министерство и даже всякий департамент - это хорошо сплоченный и замкнутый в себе мир, в котором непременно должна возникнуть "своя душа", свое одушевление, своя "честь", своя забота, свое тепло, горячность и ревность в деле, и непременно - взаимное и общее уважение и доверчивость. Что же это за "служба" - русская служба, - где всем приходится "оглядываться на немца", притом, как пишет автор письма, "глупого", не умеющего даже хорошо говорить по-русски. Служба целого департамента испорчена, служба целого департамента расстроена. Расстроено некоторое нужное русское дело, - и "никто не смеет пикнуть, пожаловаться". И что же это за назойливая "немка", которая позволяет себе "рекомендовать на службу", и что за медный лоб сам "немец", позволивший себе воспользоваться такою рекомендацией и влезть в русскую работу "с калошами" и не снимая их. Смешное и жалкое положение русской службы, да и русской государственности...

Господа, возвратитесь к скромности!

Господа русские чиновники: вы, как *частные люди*, можете быть очень "смиранны", - но на службе вы должны блюсти русское государственное достоинство.

18 сентября

ИСПОРЧЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

(Возражение Н.А. Энгельгардту)

Не "попорченная механика", а "испорченный человек": вот что стоит в сердцевине Германской империи, которая изумила мир зрелищем, открывшимся в ней в начале XX века! Так хочется мне поправить и дополнить прекрасную и, конечно, верную мысль г. Н. Энгельгардта в статье его "Попорченная механика". Он говорит: "Суть дела в том, что немцы все и давно уже - *механичны*"; что "отсюда вытекли их зверства", повторять и исчислять которые нет нужды. Да, суть - в механичности, слово попало в центр дела. Но нужно же досказать, что пытаться сделать из человека *механизм*, начать превращать человека с его детских лет, с его школьных лет, в "усовершенствованный механизм", ключ от которого и завод которого лежит в руках правительства или "его королевского прусского и императорского германского величества Вильгельма II", - это значит начать портить целую нацию, это значит посягнуть на божественный образ "человека" в "немце"... "Задумал это Бисмарк, и в его руках завод был хорош", - говорит Н.А. Энгельгардт. Завод был *всегда скверен*, завод этот *не может быть хорош* по существу своему, - и опять именно по существу сокрытой

здесь борьбы с божественным планом сотворения человека "по образу и подобию Божию".. Эх, о чем я говорю: знают все это русские мужики, знают все наши нечесанные (по насмешке Л. Толстого) попы, знают страннички и живущие по лесам и в пещерах древние "старцы", - да помнят даже и гимназисты, когда блаженно шалят и дурачатся в классах и никак не дают надеть на себя педагогической муштры. Сам был учителем и свидетельствую, что из русского, черт его побери, гимназистишка никак не сделаешь "казенную штучку".

Знает *вся* Русь это! Знает, что нельзя сделать из человека "штучку", с казенным заводом знает, что это глупо, что это порочно и преступно и, наконец, запрещено Богом!!..

"Страх Божий" забыли немцы, - забыли сию известную по всей Руси мысль, которую нам вдолбляют в голову с детства, и хорошо, что вдолбляют. В тайне вещей они все безбожники, и давно безбожники; безбожник был и их Бисмарк, безбожен и император Вильгельм, хотя и произносят, где машинка указывает произнести - "Gott", "Gott"...

Все это - фразы: никакого Gott'a у них нет, а есть - кулак, сила и "я господин всего". Зверства *только из этого* и объясняются, т.е. из того, что человек стал самодовлеющим, выше которого по существу дела и по тайному сознанию каждого немца никого нет; и ныне в их ученом богословии и их морализирующем фразерстве не Бог говорит свою волю человеку, а какой-нибудь Гарнак, Штраус и Баур подсказывают свою волю, свои мысли и свои гражданские и культурные пожелания Богу. Бюхнер, Молешотт и Фохт пренебрегаются по своему маленькому масштабу, но ведь бывает же, что вши заедают человека. На *самом деле* они-то, а вовсе не идеалисты, как Шеллинг и Гёте, господствуют и давно господствуют в Германии. И господствуют не только в обществе немецком, до чрезвычайности грубом, механичном и плоском, но и в самой *науке германской*, у всех знаменитых и препрославленных их Вирховых и т.п., которые по основным и обширнейшим философским воззрениям своим не идут дальше и не идут глубже того же Молешотта и того же Бюхнера. Бог давно умер в германской науке; Бог "философски не принят во внимание". Вирхов или Гельмгольц сделали великие *специальные открытия* в физиологии и физике; но около великих открытий непременно и невольно есть и общая философия открывающего человека, хотя бы он и не рассказывал об ней. Вот *философия-то* немцев и идет вся от этих плоскодонных душ, от этих поистине "вшей" философского горизонта - от их несчастных Молешоттов и Бюхнеров, философствующих врачей. О, эта "популярная наука" и "общепонятная философия", которая съела настоящую науку и настоящую философию!

И Бисмарк, и Вильгельм, конечно, были и есть не иного чекана люди... Остановимся на Бисмарке. Он был великий политик и дипломат, но каково его измерение как *культурного человека*? Странно спрашивать: да *то же* "по Бюхнеру и Молешотту"... *То же*- как даже специалисты и открыватели вроде Вирхова, Гельмгольца и Момзена. Разве у нас профессор и академик

математики, притом талантливый в своей сфере человек, не обращался в Св. Синод с официальной просьбой разрешить ему отречься от христианства? Слава Богу, что этот случай *был*, ибо он объяснил нам и всему миру множество родственных или близких и аналогичных явлений. Специалист, и притом талантливый, в науке может быть совершенно глупым или по крайней мере совершенно неразвитым человеком вообще, а специалист, и притом гениальный, в дипломатике и политике, т.е. великий мастер *практических приемов* в житейских государственных делах, может быть совершенно слаб в созерцании и в комбинировании высших культурных идей. Будучи в корне-то вещей всего только "по Бюхнеру и Молешотту", великие государственные люди Германии, начиная уже с Бисмарка, и заварили ту механическую и плоскую кашу, ту позитивную и физиологическую кашу, которую расхлебывают теперь немцы, поражая мир криками: "Мы перебьем русских и съедим всю их икру". Такого дикого крика, такого идиотического крика не раздавалось с начала всемирной истории. "Убьем и съедим икру"... Это как "зарезу на дороге человека и съем колбасу, которая у него в кармане", пропойцы-хулигана. Что такое немцы в войне 1914 года. Да просто - хулиганы. В слове - разгадка всего.

В то же время - как будто ученые и образованные. По *форме* - барин, лейтенант, барон, питомец берлинского университета; в душе - хулиган. Я видел этих ужасных берлинских студентов в компании пришедших в Тиргартен - и тогда же записал свое впечатление ("Итальянские впечатления", глава о Берлине), которое оказалось вещим и правильным. Огромного роста, упитанные, без единой мысли в лице и, очевидно, без всякой тоски в душе, - без тоски, тревоги и сомнения, - они были ужасны, эти прусские студенты!! Господи, из сотен наших не встретишь ни одного *такого!* Ни одного - подобного, *приближающегося* сюда! Очевидно - пути развития разные, культура разная! Наша культура - скромная, и *этим объясняется все*; объясняется, что мы никогда не сделаем "зверства" среди беззащитных, больных, приехавших к нам лечиться... Ведь этого не только *нет*, это совершенно *немыслимо у нас*.

Так вот в чем дело! В порочной культурной ошибке уже Бисмарка и Вильгельма I, которые только отразили в практических приемах политики и государствования "свой век" - увы, век отвратительный. Давно уже, именно после 50-х годов, когда пала в Германии идеалистическая философия и были забыты заветы Гёте и заветы романтической литературы, в Германии водружилась грубая образованность, водружилась некоторая умственная пошлость, корифеев которой усиленно пересаживали и к нам. Это наш же "нигилизм", только не получивший там этого имени; нигилизм, позитивизм и материализм. И у нас он привел к огрубению сперва понятий, а потом и нравов, о котором нечего напоминать тому, кто знает литературу 60-х годов. Но вот я скажу удивительную вещь, против Германии борется *народная Россия*; говоря литературными терминами, борется славянофильская Россия. Ибо Россия всегда была славянофильская, как славянофилы исповедовали только народное мирозерцание, отрицая "новейшую европейскую культуру" - не всю, но вот эту "механическую" культуру, этого "немца-куклу", о котором

говорит г. Энгельгардт. И так, борется народная православная Россия. Но "культурному немцу", "немцу-машинке", - нечего противополжить тому господствующему в русской интеллигенции типу, который "заведен по Молешотту и Бюхнеру", заведен тоже "по Марксу и Энгельсу", - и вообще нечего противополжить интеллигенции без "Господи, помилуй" и без "Вечная память"... Читатель обобщит мои слова и поймет их корень. Конкретные идеи ведь перестраиваются по требованию времени, но живуч их общий корень. Все эти господа из "Русского Богатства", все эти наши "экономические материалисты" и приверженцы "классовой борьбы" готовят России духовную участь Германии и призывают в корне вещей и русских "не стесняться" и проявлять "зверства"... Сейчас это - во имя "Интернационала" и "рабочего класса", но, когда конкретные нужды переменятся, то - по послушанию вообще "партийного завода", "демократического завода" и, наконец, "казенного завода"... Ведь Бисмарк одно время очень дружил с Лассалем - это характерно. Ну, умный читатель договорит мои слова: "Бога забыли" - одни; "Бога нельзя забывать" - вот что говорит народная и славянофильская Россия.

К РАЗРУШЕНИЮ РЕЙМСКОГО СОБОРА

Война ускоряет дыхание и укорачивает его... "Идем в гору..." Но хочется перебраться с читателем хотя короткими мыслями.

Реймский собор взволновал весь мир. И хочется сказать взволнованным: "О чем вы плачете? что погиб памятник искусства?" - Ведь об *этом* все крики, все вопли; и вот только вчера я прочел фельетон о нем художника-еврея-протестанта, о котором хорошо знаю, что он никогда, проходя мимо церкви, не положил креста на лоб. Никто не плачет решительно, что погиб *народный дом молитвы*. Вспомнили все, что Реймский собор упоминается в "Жанне д'Арк" Шиллера, и не вспомнили, что всего только вчера в нем молились горожане, крестьяне, военные, - вообще верующие... Все оплакивали *музей* и никто решительно не плакал о *религии*. И вот мне кажется, что гораздо раньше прусских ядер его разрушило общее, вовсе не прусское только, но вообще европейское отношение к религии, к молитве, к Богу... Бог отнимает у нас то, от чего мы сами отказались и все больше отказываемся. Зачем вообще этот "Музей XIII века", который практически и в живых дыханиях перестал быть "собором" - собором для страны и государства, совершивших "отделение государства от церкви", - и оставлен только снисходительно для обывателей, для темных мещан и верующих женщин, "не понимающих пока своих предрассудков"?.. Ах, Европа, Европа, ах, дорогая Европа: если бы ты переменила дыхание с этою ужасною войною и оплакала многое в себе, о чем давно не плачешь, но что поистине достойно слез! Эта проклятая каннибальская война рвет, как дикий кружево, великие святыни веры, поднятые руками веков, - руками, и верою, и пламенем. Но не великая ли это угроза с небес: "Вы отвернулись от *молитвы* и вам не будет больше *просвещения*". Вот смысл, вот говор и язык событий. Дорогие европейские братья: вы должны плакать о каждой хижине-церкви, если она разрушается, о деревянных церквях стоимостью в две тысячи рублей, - и

тогда, только тогда у вас не будут разрушаться и Реймские соборы! Если нет религии - а *bas* [долой (фр.)] храмы! - Но есть ли религия-то? Разве не тысячи усилий положены писателишками всех рангов и философами всех степеней, чтобы "раскрыть глаза этим мещаниншкам и верующим баранам на их глупость и невежество"... Да *вся литература* уложена... на разрушение Реймского собора? Боже, как жалко племя, не понимающее себя и судьбы своей.

Разве мы не несли в триумфах и не носили несколько десятков лет поганенков Дрэпера и Бокля, своих поганцев, начиная от Чернышевского, которые орала, кричали, визжали: "а *bas* храмы, церкви и всю эту темную смрадную ветошь". Господа, да разве вы этого не слышали? Господи, неужели никто этого не видит, что под "разрушением Реймского собора" стоят тысячи одобрительных подписей, стоят такие авторитеты, что страшно выговорить. Эту зиму мне случилось попасть в полковую церковь "Свободного полка" в Царском Селе: я был на хорах, и мне было все видно. Вся церковь, не очень большая, была наполнена солдатами этого "Свободного полка" (повторяю термины, мною услышанные, которых не очень понимаю), и на правом клиросе, или в особом месте, соответствующем клиросу, молился Государь с Царицею и дочерьми. Немного молящихся на хорах... Церковь не была очень освещена (всенощная), и, может быть, от этого, как показалась она мне, угрюма и одинока и как бы заброшена в мире. "Это *-проходит*, это *- никому не нужно*", - как бы шептали времена вокруг. И как-то шепталось в противобор этим временам: "Стой крепко, наш Царь, в Церкви: потому что, пока ты стоишь здесь, ты стоишь в самой середочке народа своего, еще верующего, - может быть, единственно "не сумнительно" верующего в мире, - и никогда, никогда, никогда чрез спины и плечи этого народа (вид солдат) не перехлестнут волны торопливого века и не опрокинут Твоего Царства, которое созидали Отцы Твои в такой же крепкой вере". И вот этот "случай" в Церкви - какой свет бросает на всю теперешнюю войну: которая есть война племен, но в значительной степени есть война и за святые идеалы Европы, за ее серьезные идеалы, взятые не из песенки и романа, а из древних молитв и от могил мучеников.

Европа, пора задуматься! Страшен не вандал, у которого молот в руках, - страшен хитрец, у которого подленькая мысль в мозгу, плоская мысль низкой душонки, в которую не умещается поминание ничего благородного, ничего возвышенного, ничего небесного. Она хихикает, эта мыслишка, в убожестве не понимая, что она всего только мысль мыши, - видя толпу людей, которая стала на молитву. "Зачем? К чему? Ведь небеса пусты, а сердце всего только мускул с красною жидкостью"...

Так нам пели с Запада. Русские дурачки подхватывали. Они все подхватывают, эти наши русские дурачки... Германия Бисмарка, верящая не в Бога, а "в свой кулак", только повторяет и осуществляет умственную Германию времен Молешотта и Бюхнера, Фейербаха и Макса Штирнера, поверившего в свой замечательный "мозг", в тот мозг, который, по образному выражению толстобрюхого Карла Фохта, "выделяет мысль не иначе, как почки выделяют *урину*".

Европа поклонилась этому замечательному "мозгу". Чего же она взволновалась, когда поднялся этот железный "молот"? "Назвался груздем - полезай в кузов"; "кто любит кататься - люби и саночки возить".

Нет, не *теперь* нам плакать - и не об *этом* Реймском соборе. *Давно* надо было начать плакать: о том, что отнята у нас душа бессмертная и на место ее мыслителишками вложена кривая сухая палка. Вот где *пункт*.

ИЗ АРМИИ И ВОЗЛЕ АРМИИ

Как задыхающемуся нужно глотнуть воздуха, так вся Россия внутри себя жадно глотает каждую весточку с войны. Тут входит жажда слиться воедино с лучшими сынами своими, которые, в лице двух миллионов героев, отстаивают грудью 160 миллионов живых душ; отстаивают древнюю землю, и земли этой - 1/6 часть суши всей нашей планеты. Немалая "тяга земная"... И солдаты, офицеры, генералы, полководцы, Главнокомандующий - знают это. Невидимые духовные токи, незримые нити сердца соединяют "здесь" России с "там" России.

- Слышите ли вы тоску нашу и тревогу нашу и любовь нашу к вам? к бессонным ночам вашим, ко всему великому *труду самого похода*, не говоря об опасностях уже, о боли, о ранах, что и представить невозможно, о чем можно только молчать, ибо слов не находится... Велик уже самый труд движения навстречу неприятелю, и труд быть лицом к лицу с неприятелем, у которого одна мысль - *истребить вас*... Эти дни и недели, когда соснуть некогда, поесть негде, когда человек с лошадей и орудием и живет, как лошадь и орудие, и выносит все, что выносят бока животного и сталь орудия... чего все это стоит!! И вот мы все это знаем, и каждая минута вашей тяжести тянет за душу и нас, наши дорогие воины!

И, чуется, отвечают нам:

- Знаем! Слышим! Разве мы не русские? Знамо одна душа. "Там" наша Мать-Русь, здесь томимся, трудимся, но и радуемся мы, ее детки.

I

Вот из одного письма:

"Я был бесконечно тронут полученным письмом. Сегодня мы все получили первый раз почту из России. Радости не было конца. Мне бы очень хотелось повидать вас и быть на вашем попечении, но не скрою, что здесь очень хорошо, и, если придется уехать, - буду очень огорчен расстаться с полком и с моим эскадром. Нельзя представить себе, что за солдаты. Орлы. У меня был случай. У дозорного убивают лошадь и его ранят. Подскакивает другой. Его убивают. Третий сажает на лошадь раненого, ведет лошадь под уздцы, перерезывает колючую проволоку и доводит до эскадрона. Все под сильным огнем. И так всегда. Немцы удара

не принимают, уходят. Офицеров своих бросают. И зверствуют
вовсю. Ну, да Бог их накажет*. Мне лично не пришлось убить ни
одного поганца, но в бою 6 августа я с эскадром много их
перебил. С удовольствием послал бы вам вещей, но трудно, даже
невозможно, - так как письма - и те урывками посылаем, потому
что мы все время отдельно действуем. Вещей - всего, чего
угодно. Не знаю, получила ли сестра: я послал еще в июле
винтовку, каску и т.п. Сколько верст мы сделали, трудно
сосчитать. Мы все время в тылу у немцев. Много взяли городов.
Всего у нас много. Солдаты говорят, что не война, а в гостях у
тещи: немножко кусается, но хорошо принимает. Надоели
сигары, а папиросы у них дрянь. Пишите. В сестры милосердия
не советую идти, лучше ухаживать за ранеными в Петрограде.
Настроение здесь чудное, и если бы не приходилось спать то в
гробовой мастерской, то у сапожника, - а в замке, как сейчас -
было бы превосходно. Здесь дороже жизни письма, не ленитесь,
не ждите ответа, а пишите".

10 авг., 1 час ночи.

* Какое добродушие тона! И, вместе, это *по форме* - наша бытовая,
житейская и вместе церковная поговорка. - В. Р.

Эти письма - как "дыхание" оттуда. Никто о наших лучших теперь людях не
скажет так хорошо, как они сами.

II

Еще от того же лица:

"Дорогие друзья мои, В. и Н.М.!

Не мог писать все это время, так как, во-первых, у нас не было
почти никакого сообщения с нашей армией, так как мы все время
находились на фланге и в тылу у немцев; а во-вторых - и это
главная причина у меня не было положительно времени писать.
Конница находится все время в очень тяжелых условиях. Люди и
лошади измучены страшно. И все это благодаря тому, что немцы
отстают с такой поспешностью, что их догнать очень трудно.
Бросая снаряды, амуницию, все бежит к Кенигсбергу. Туда же
тянутся бесчисленные обозы местных жителей, которые теперь
возвращаются назад. Они говорят, что их предупреждали, что
русские убивают всех жителей и что казаки едят детей. Мы
надеялись, что теперь начнется осада Кенигсберга и конница
немного передохнет, но не тут-то было, так как я сейчас узнал,

что нас посылают на помощь 2-й армии. Я лично сильно измучился как физически, так, главное, нервами. Единственное, что поддерживает, - это наши безусловные удачи как пехоты, так и конницы. Все действия немцев указывают на полную их растерянность, доходящую до паники. Часто находясь в самой ужасной обстановке, вспоминаю вас обоих, и те славные часы мирной обстановки, которые проводил с вами. Как бы я хотел хотя бы на несколько дней уйти из этой обстановки крови и человеческой (у немцев) животной разнузданности. Только здесь на границе жизни и смерти узнаешь человека во всей его отвратительной наготе. Если я останусь жив и, Бог даст, мы увидимся, то я многое скажу вам из того, что я достал тяжелым опытом, - и что имеет близкое касательство к тому, о чем мы так часто беседовали в свободные с вами, дорогие мои друзья, часы. Человек создан для мира, и никакая идея не может сбить его со стремления к миру. Ну, довольно философии. К счастью, тут мало времени для философии. Если будет возможность - напишу опять. Пишите чаще. Хотя я и не получил ни одного письма из Петрограда, но надо надеяться, что когда-нибудь я получу. Шлю вам мой самый искренний и сердечный привет".

III

"Эту бумагу потрогала жена рука", "эту бумагу потрогала дружеская рука", словом, в письме что-то перенеслось *вещественное* "оттуда" - "сюда", "с родины" в "Германию" или в "Австрию", перенеслось и *дотронулось до души моей*, - этим чувством только и можно объяснить то волнение, какое испытывают наши родные и друзья, получая письма от нас. Маленькое *язычество* через перо, бумагу и чернила, маленький первобытный *фетишизм*, вот что действует в корреспонденции, а не одни мысли, сообщения и известия. "Что такое дома?" - "Да ничего особенного". - "Все по-старому, как в те дни, когда недавно отправляла тебя из Петербурга". Мысли известны и не новы; но через письмо происходит *касание душ*, и вот оно волнует и радует. Иначе как понять этот тон письма военного врача к жене:

"Наконец сегодня получил твое первое письмо. Здесь такая радость получать письма. Все набрасываются на них, как коршуны. Неполучившие завидуют получившему, а последние чувствуют себя именинниками. Сегодня 3-е число, и вот только первое письмо пришло от тебя. Наши войска победоносно перешли в Австрию, о чем ты, наверно, уже знаешь из газет. Войска наши неудержимо рвутся вперед, так что командиру корпуса пришлось отдать в приказе, чтобы при переправе через реку войска не спешили и не напирала друг на друга. Передвигаемся мы очень быстро. Победа следует за победой. Давай Бог, чтобы так продолжалось дальше".

Да, волна войск имеет свою тайну. "Вступаем на чужую территорию", "завоевываем"; "их земля - сейчас наша земля", - все это секреты ощущения, неизвестные мирному обывателю, неведомые у нас здесь. Войска несутся каким-то духом, и например, "вскочили на мост на плечах отступающего врага", "заняли укрепление на плечах бегущего неприятеля", - эти вещи и особый вихрь, несущий армию, можно понять только неся солдатскую или офицерскую амуницию, держа в руке ружье или саблю наголо.

"Расскажу тебе о том впечатлении, какое на меня произвело вступление в местности Польского края, где происходили сражения. Целые деревни выжжены австрийцами дотла, - и одиноко стоят на месте их печи с трубами. К своему пепелищу собрались погорельцы. Виден скарб, наскоро собранный и унесенный во время нашествия австрийцев куда-то в глубь страны, верст на 10 - 15 от селения. Это в наших пределах, куда на первых порах прорвались враги. Скарб жалкий - подушки, одеяла, а у некоторых еще сундучки. Около оставшихся печей суетятся женщины, ставят котелки и горшочки на плиту и топят печь. Интересно, что, несмотря на то, что весь дом сгорел дотла, ни одна печь не развалилась. Вот женщина около развалин своего дома перед скарбом при виде проходящих войск возносит молитву к небу и осеняет себя крестным знаменем. Ее взоры направлены на нас, проходящих. На полях валяются ружья австрийские, неразорвавшиеся гранаты, осколки. Стены домов имеют отпечатки от шрапнели и пуль.

Из прудов и речек вытаскивают ящики, полные гранат, в парусинных мешках плавают порох, со дна добывают ружья. Это австрийцы при отступлении побросали, отступая в панике.

Одна граната впиалась в дерево, и только видно ее дно. Она не разорвалась.

На полях нарыты ямы и сделаны окопы. Отвал земли задрапирован деревцами. В лесу на деревьях видны ссадины коры, - это следы от гранат, осколков и пуль.

Некоторые деревья снесены пополам. Боя нам видеть не пришлось, лишь грохот орудий напоминает, что мы находимся на войне.

Пишущий доктор, находящийся при бригадном обозе.

"Жители сел и деревень рассказывают, что австрийцы при вступлении в деревню требовали от них провиант, угрожая револьвером. Это было в деревнях, отстоявших дальше от австрийской границы, в период начала наступления русских войск. До тех же пор они рассчитывались с жителями деньгами и

квитанциями за забранный товар.

Во время отступления австрийских войск в свои засады они забирали жен и детей польских крестьян и ставили их на насыпь, из-за которой стреляли в наши войска; но наши молодцы сумели обойти их сзади и выгнали из окопов, не нанося вреда женщинам и детям".

Стынет кровь, читая: из детей и женщин войны делают ограду себе, как из мешков с землей! Вот чувство человека, вот ощущение человека! И что же делают русские мужички, они же и солдаты? "Разбираются" и не стреляют, а, обойдя сзади, схватывают мошеников за руки. Да, это - мошеники, а не войны. Однако не забудем, что *наш* "Вестник Европы" 43 года твердил и старался внушить русскому и польскому обществу, что под австрийскою властью, "при конституционных гарантиях" полякам живется лучше, чем под русской властью. Этого мы не забудем, - под какими внушениями профессорского журнала жило русское общество!

"Пленные австрийцы сами рассказывают про русских: "И не знаем, как это выходит. Видим русское войско спереди, начинаем вести бой, - а они уже и справа, и слева, и сзади, не знаем, куда и деться".

Рассказывают и про издевательство, и про мучительства подробности; трудно передать связно, так как рассказывают больше по-польски, и едва понимаешь десятую часть.

Ближе к границе опустошений нет, так как при быстром отступлении они уже не могли ни заниматься грабежом, ни поджогами.

Вода в колодцах сильно пахнет карболкой. Ко всему оставшемуся после австрийцев мы относимся с подозрением".

Читая эти и другие письма с войны, мы в самом тоне изложения как-то чувствуем тот русский дух, издревле крестьянский и христианский дух, который скорее сам потерпит муку, чем, например, подставит детские и женские груди под пули, "потому что это больно, и я не хочу, чтобы *мне* было больно, а пусть лучше будет больно *им*"... Этот разбой в душе леденит кровь русского обывателя, как какое-то "светопреставление"...

Ведь воистину "переставляется" свет: ибо *где* мы верили и думали, что находится *свет*, явилась ужасающая тьма; ну, а о "своих", когда же мы и не думали, не кричали и не плакались, что у нас все "темно и грубо", и между тем... вот тон этих добродушных писем, где нет ни одного слова желчи, раздражения, нет воистину ненавидения даже и враг а на поле битвы! Точно борется добродушный Илья Муромец с поганым половчанином и говорит

свои былинные шутки и прибаутки. Ище! он правой христианской победы и нисколько не хочет терзания врага.

IV

Если бы, однако, знали и *там*, на войне, как *здесь* все дышит ими, нашими дорогими воинами, - друзьями, родными, - ушедшими далеко, в чужие края... Все умерло для нас, кроме их, вся страна замерла и не хочет ничего, не ждет ничего, кроме "весточки оттуда"... Точно лучшие птицы на сильных крыльях поднялись к небу, чтобы лететь дружным полетом далеко-далеко, и вся страна подняла глаза и следит этот мучительный и грозный полет, полный опасности, риска, но и неизмеримых обещаний...

Мне пишет из Вильны жена директора гимназии, вся возмущенная промелькнувшим в газетах не то сообщением, не то предположением, что и в нынешнем году женщины могут заниматься туалетами:

"Статья глубоко возмутила меня и многих моих знакомых в городе. Мне кажется, что автор ее или не видал никогда (близко) ни одной русской женщины, или видал только каких-нибудь нравственных уродов. Ведь есть же женщины горбатые, но нельзя утверждать, что все женщины горбатые. Странно и обидно читать, что женщины будут делать себе новые платья, новые наряды. Мы не только не будем делать, мы не носим то, что у нас есть. Вокруг меня есть целый круг милых дам, многие из них хорошо одевались прежде, но теперь ни на одной из них вы не увидите даже не только туалета, но просто хорошего платья: мы все в тех платьях, что нас захватила война, и мы первый раз заговорили о платьях, когда нам попалась на глаза эта статья. Стыдно автору, он не знает женщин, он не видал их, видно, рос круглым сиротой, без матери, сестры, тетки, кузины, а вырос - его не согрели ласки жены. Как русским женщинам думать о нарядах, когда наши мужья, братья, сыновья проливают кровь, да и это еще не главное: раз они воины - они обязаны проливать кровь, но они борются, главное, с подлым врагом, - врагом, который стреляет в спину, стреляет в больного, в раненого. Надевши на себя святой знак Красного Креста, он в виде чудовищ-немок сестер милосердия стреляет в тех, кто жизнь свою положил за Веру, Царя и Отечество. Статья автора особенно печалит тем, что она может попасться на глаза в армии: ведь наши дорогие воины, прочитав, могут ему поверить, - могут подумать, что мы их позабыли, и для чего? - для тряпок. Этого не только нет, но ради воинов, дерущихся там, мы забываем о драгоценнейших наших украшениях, о наших детях, - но не тряпкам вытеснить их из нашей души! Вот двое детей одного моего брата, сын и дочь, оба в армии: сын в 21-й артиллерийской бригаде, а дочь Лиза на передовых позициях сестрой милосердия; младший брат в действующей армии, но где - мы не знаем.

Уезжая, он только написал матери, что просит его простить, благословить и знать, что за себя он ничего не боится, а только боится за те тысячи людей, которые ему вверены (он командир батальона). Сестрин муж ранен под Львовом, и его перевезли в Ровно, так как милые австрийцы обстреливали госпиталь. Я теперь с обществом дам моего круга - женами и матерями учителей - шьем на раненых, работаем на питательном пункте и устраиваем в городском попечительстве жен запасных.

А. К."

V

Около этих строк зрелой женщины, матери семейства, наши труженики за землю русскую в серых шинелях прочтут с улыбкой ученический лепет своей сестренки, если они - братья, и своей дочурки - если они отцы. Пишет гимназистка 4-го класса:

"У нас очень много в школе случилось событий. Теперь мы, девочки, занимаемся шитьем каждый день. При нашей гимназии лазарет, который состоит из 16-ти раненых. Начальница гимназии, сестра милосердия и Маруся Н., прошлый год окончившая у нас курс, - ей помогают. А нас, девочек, живущих в пансионе, начальница только тогда пошлет в лазарет, когда она увидит, что мы совсем исправились. Наши мальчики (школа смешанного типа) ездят во дворец и там тоже помогают. Теперь в школе совершенно все другое. Многих из наших учителей (гимназия частная) взяли на войну. Но в школе, конечно, продолжают занятия, между прочим они интересные. Мой класс прямо чудный, до того все у нас заняты работой, все страшно заняты делом".

Есть что-то спасительное в этой войне, поднявшей мужчин и женщин, взрослых и детей... Поднявшей и кинувшей всех - *единство*... Последствий ее, действия ее - нельзя обозреть; во всем объеме оно скажется через десяток лет. Мы было закисли в разговорах, в рассуждениях, и в обычном оттенке их - в раздражительных спорах. Превосходная сторона войны заключается в том, что она в сердцевине своей есть страшная до страдальчества *работа* и вокруг себя на необозримом пространстве вызывает *тожедеятельнейший труд*, безостановочный ни на одну минуту. На всю страну пахнуло реальным, свежим воздухом. Многие явления, терпимые в мирное время и в которых душа невольно загнивала, - стали немислимы. Например, сплетни. Ни злословию, ни кутежу, ни мелкому "ничегонеделанью" - нет места, некуда упасть. Таким образом, без борьбы и оговорок многое просто исчезло... Это ли не свежий воздух и здоровье?

Еще из письма одной учительницы:

"Привезли в наш школьный лазарет еще партию раненых. Раны не тяжелые, - но от дальнего пути они все такие истомленные и жалкие, такие беспомощные сами по себе, что я от души теперь жалею, что моя необходимость ходить по частным урокам лишила меня возможности пройти курсы сестры милосердия и дать этим страдальцам более существенную помощь, чем та, что я могу сейчас дать в роли только заведующей. В сущности, это вовсе не высокая фраза, а правда, что для женщины счастье в том, чтобы себя отдавать, служить слабому, например, ребенку или страдающему. И тогда на душе мир. Как-то теперешнее время особенно коробят разные житейские благоглупости: разные сплетни, гаденький смех, излишество в еде, - даже когда это обыкновенный обед, хорошо приготовленный. Ведь *этого* там не имеют".

Так чувствуют, живут здесь. Оглядываясь, видишь на всех черненькие платья или - серых, тусклых цветов. Это - не траур и не печаль, а просто *серьезность*. Война и работа всех сделала деловитыми, и эта деловитость все подобрала в некоторый аскетизм, не преувеличенный и спокойный. Нашим воинам радостно будет узнать, если попадет этот листок "туда" или - попадет в руки слишком близких и страдающих за них лиц, что нет *дома*, где не поднялась бы *к идеалу жизнь вследствие войны* и где бы не болели души о наших воинах "там".

VI

Иногда получаешь новое и неожиданное впечатление, выслушивая рассказ уже о давно известном, но - от таких лиц, которые обычно в исторических рассказах не участвуют. Так я пережил что-то совсем неожиданное, выслушав передачу рассказа о случившемся с нею в Берлине и затем вообще в Германии и о возвращении на родину одной из учениц старших классов частной гимназии М.Н.С. в Петрограде. Не зная, вероятно, в точности, что именно случилось с другими, она передает, что

"все было еще гораздо ужаснее, чем описывают и говорят. При внезапно сделанном объявлении войны мы очутились как выброшенные морем в какую-то дикую, злобную и враждебную себе страну, - не получая ниоткуда помощи и не зная, к кому обратиться. На русских кидались, ругали, кто отвечал - тех били. Никуда проехать нельзя. Немки иногда были еще грубее и жесточе мужчин. На слова не отвечали, в разговор нельзя было вступить, ни о чем нельзя было справиться и узнать. Когда у меня вышли последние деньги в Берлине, я, не зная, что делать, стала упрашивать управление отеля допустить меня в прислуги, горничною. То же, как я узнала в дороге от встречных подруг, делали и они: тоже просились в горничные, чтобы было, что есть. К счастью, в самый последний день я получила через кого-то деньги, присланные из Петрограда родителями. Когда я

встретила в дороге подругу по гимназии, то мы, только сказав друг другу фамилию, обе узнали, что подруги по классу. Так мы были измучены и испуганы, что на нас лица своего не осталось".

Возвратилась ученица каким-то совсем диким путем через Гибралтар, и огибая всю Западную Европу, - в Архангельск. Где-то около Англии

"германский крейсер, потопивший уже пять английских пароходов, сторожил это место и мог заметить наш пароход и тоже бы потопил. Поэтому капитан и команда пустили его во всю силу хода, не обращая внимания, что была страшная буря. Ночью же потушили огни, и мы шли совсем в темноте... Волны хлестали через палубу, и мы каждый час ждали, что погибнем".

О самой Германии:

"Там ничего похожего на наше не было. Когда сделалась мобилизация и потребовали запасных, то жены вцеплялись в них и не хотели отпустить. Такое полное отчаяние везде, точно им приходилось идти каждому на верную смерть. Плач и стоны, злоба и остервенение на начавшуюся войну - стояли везде. Тогда как у нас, я вижу, все спокойно".

Тогда не этим ли объясняется германская моментальная озверелость? Это - действие последнего испуга и *личного* последнего *отчаяния*. И это - не из лучших для них объяснений: какое же у них чувство "фатерланда"? Удобная контора, где "мне тепло", и - чтобы "хозяин не беспокоил". Мне передавали наблюдатели из глубоких провинций по Волге, что при расставании с запасными нигде не было плача жен и матерей, - отпускали как на "нужное", на "нужную и правую войну". Передавали, например, одну сцену:

- Ну, вот, миленький, ты пойдешь немцев бить. Хорошенько их поколоти, да только и немочек побить тоже не забудь.

Верно, у немцев баба была в услужении. Мне пришлось жить студентом в немецкой семье. Лично я не видел ничего, кроме самого прекрасного, и "фрау Констанция" была для мужа, дома и жилья своего совсем как Доротея из известной поэмы Гёте. Она и любила читать Гёте и Шиллера. Но... до чего же они не чувствуют *чужого инородного* человека, например, русского. У них была кухаркою старуха Афимья, и всякий раз, когда эта Афимья отдавала купленную провизию на кухню и пыталась возразить на упреки, что "дорого дала", прелестная Констанция вспыхивала гневом и, топая о пол ногою, говорила:

- Цыц!

Никогда *другого слова*. Только это одно собачье обращение. Между тем она была гуманна, деликатна - к мужу, ко мне и вообще, "кого знала". Была вполне и безукоризненно порядочна. Но вот подите же. Ее муж, инспектор

Московского Страхового общества, тоже корректнейший человек, говаривал мне:

Я изъездил всю Россию, а вам еще 22 года. Вы не знаете русского народа. Он - везде свинья. Неряшливая и грязная. И - ленивая.

Вот воззрение. Конечно, он не знал русских поговорок, пословиц; не знал русской песни. И не интересовался. Он интересовался только русскими гусями, которые ему заготавливала и откармливала во дворе его "Доротей", когда он бывал на долгих ревизиях (поездки на крупные пожары). И вот, приехав, он так же, едва сказав "здравствуй", становил перед собой "под отчет" свою "libe Frau", как та - Афимью: она, бледная, путалась, конфузилась и оправдывалась, когда он, произнося некоторые строки "Приходно-расходной тетради", укоризненно поднимал на нее глаза. Вся милая, в фартучке, она стояла перед ним, - неизменно стояла. Длилось это час и иногда более. Но вот все прошло. Вечер, гости, - все немцы. Русский был один я. И вот тут - гусь.

Ах, какой был гусь. Весь в масле, с чудно поджаренной капустой... Весь поистине прекрасный.

Но только гусь. А остальное?

VII

В редакцию газеты прислано и редакцию передано мне письмо, - по моему, *трогательнейшее*. Оно написано совершенно безграмотно: но вчитываясь в сплошные строки его, везде без "ту" и с пропуском многих букв, я нашел, что эта груда рядом поставленных слов, напоминающая харатейные рукописи древности, представляет собственно собою попытку стихотворения или, вернее, невольное стихотворение. И я разделяю его на эти приблизительно строфы. Редкое это стихотворение сказано прямо солдатам, и пусть наши "солдатушки-ребятушки" прочтут это от своей "крестьянской сестры". Но над ним задумается и ему умилился и иной образованный человек:

"Пусть	Божия	Матерь	с	Покровом	над	вами!
Вы,		бодры[е]		вояки		Царя;
Пусть	добры[е]		сердца	не		страшатся
Тяжелых*			орудий			врага!
Вы	борствуйте**		в	кругу		незнакомых,
Чужих			и			друзей,
Когда	же	наступят		тяжелые		минуты,
Вы	Божию			Матерь		просите
На		помощь				скорей.
Она	дорогая			Защитница		наша
Спасет	вас	от	злого	Вильгельма		врага.
Утрет	у	нас	наши	горькие		слезы
Как	плачем	по	вас	мы		всегда.

Мы ждем не дождемся вас на родину милу[ю],
 Вас, добрых кормильцев своих!
 Мы веруем в Бога и просим
 Царицу Небесную вас защитить,
 Чтоб вы нам вернулись на помощь,
 Как трудный нам век доживать.
 Без вас мы остались, сиротки,
 Бездомны по свету блуждать.
 Ах, Божия Матерь Царица Небесная,
 Накрой их Покровом своим***.
 Спаси, сохрани и помилуй
 Ты доброе наше войско.
 Пусть наша Россия победу прославит
 Над подлым Вильгельмом врагом.
От прислуги".

* В подлиннике "чежолых". - В.Р.

** Может быть, "бодрствуйте"? Но может быть и "боритесь", "борствуйте". - В.Р.

*** Получено стихотворение на другой день праздника Покрова Пресвятой Богородицы. - В.Р.

VIII

Целительница-война. - так, может быть, будущее назовет эту войну 1914 года... Нет, это не 2-я "Отечественная война", как в первые минуты, в конце июля, мы назвали было ее. Она совсем другая, в ней что-то новое. Что?.. Будущее темно, неведомо. Дивное сплетение ее начала с полным *отрезвлением* народа, - которое одно подобно величайшей *религиозной реформе* и недоступно ни для какой партии, ни для какого частного усилия, ни для какой власти парламента и совершилось по строгому слову Старой Царской Власти, - предрекает что-то необыкновенное... Никогда социальные реформаторы даже в мечтах не имели столько положить в народную суму, сколько кладет эта одна реформа. И насколько одна эта реформа *облагородит* все лицо народа... Удивительное сплетение! А между тем оно случайно, - ибо сделан был только опыт "закрывать винные лавки на время мобилизации". Но это случайное "закрытие" вдруг показало лицо народа в таком необычайном свете, что трудно было удержаться от восторга "порешить совсем". Теперь это "запрещено" со всей неукоснительностью, как выделка или торговля фальшивыми кредитками...

И все чудно сплетается в этой войне... Сплетается как-то *особенно*... Даже там, где мы проливаем слезы, где родители и жены безутешно рыдают, исторический глаз отмечает сплетение искупительного венка над Россией... "Все к лучшему", даже то, что так страшно... Когда повезли в

Петроград тела Шувалова, Воеводского, Кауфмана, Бобрикова, кн. Кильдишева, братьев Катковых, братьев Курчениновых, - и еще других многих, качали головами старье: "Как юноши Лейб-Гвардии Конного полка, из первых аристократических семей, могли поскакать прямо на пулеметы?" - то никому не приходило на ум, что они дали тон войне, - как регент "задает камертоном" тон поющему хору... Всё - бросилось! Все - за ними! все - как они!!! И война, с этого 14 августа, повелась в этом быстром, неудержимом, восторженном духе...

Не благословенна ли их смерть, в таком случае? Родители рыдают и будут рыдать. Но Россия будет помнить и благословлять. Ну а умереть "благословенным всею страной" - это прекрасно, и наконец, это счастливо и для юноши, и для старика...

И вот так же "первым подскакал" к неприятелю Олег Константинович...

Все - "первым", все "вперед"...

Та Россия, которая столько десятилетий, а в сущности, целое столетие "плелась" и "отставала"...

Все подымается... Благословенный год.

4-е октября, 3 ч. 35 мин. утра.

IX

Эти последние дни я получил еще несколько писем:

а

"У меня служили рабочими два брата. В первую мобилизацию взяли одного, а в призыв ратников - и другого. Мать их, также живущая у меня, провожая второго, сказала ему, рыдая: "Сыночек, об одном прошу тебя: Царю-то будь верен".

Не могу не сообщить вам этого прекрасного слова, за подлинность которого ручаюсь.

Примите уверение в совершенном уважении

Н. Горбов".

Село Покровское, Мценск, Орлов, губ.

Это слово одинокой старухи, сказанное сыну при отправлении на войну, - не стоит ли фальшивой многоголосицы, какая неслась по Петербургу в знаменательный день 9-го января (Гапон)...

б

"В.В.: Извините, если письмо мое не покажется вам нужным и напрасно займет ваше время; но мне очень хочется написать. Признаюсь, я не всегда вам сочувствовала, а иногда и очень на ваши слова в печати сердилась; но сейчас вы для меня самый родной, самый дорогой писатель: так отчетливо говорите то, что переживаем теперь мы, те русские люди, которые остались дома, защищаемые нашими любимыми, родными воинами; и именно потому, что сейчас вы лучше, чем кто другой, учуяли русское чувство. Я хочу предложить вам одну мысль (извините, если на ваш взгляд не ценную): собрать в одно целое в одну чудную книгу наши драгоценные письма с войны; они ведь хранятся в каждой семье, каждая строка в них всем получающим кажется такую важную, такую общезначительную, и я думаю если бы вы, "наш" писатель, - сейчас дали бы мысль о "книге писем", к вам без конца посылали бы подлинные, точные копии ненаглядных страничек; какой бы это был душевный, подлинный памятник великим дням! Ваше дело - было бы, с свойственной вам яркостью и чуткостью в извнутренних обобщениях, - разобрать, распределить, подчеркнуть, договорить недосказанное - словом, построить книгу, которая стала бы, думаю, любимейшей книгой для нас, переживающих события, и ценнейшею книгою для будущего.

Может быть, вы уже и решили так сделать?* Но скажите это нам, чтоб все объединились и помогли бы в предварительной работе. Меня очень увлекает эта мысль, и, если бы вы ей посочувствовали, я была бы бесконечно рада и тотчас же принялась бы за доставление вам "материала", если только тут уместно такое холодное слово.

Это была бы книга насквозь живая.

Преподавательница средне-учебн. завед.

Е. Н. Н-ва. Гатчина, 14 септ."

* Да! да! да! У меня была уже эта мысль. Лучше *говора с войны* ничего не может быть для *истории войны*, для памяти о ее *частностях, подробностях*. И я очень прошу, кому попадет эта книга, исполнить предложение умной и рачительной учительницы, - к тому же горячей русской женщины, - и присылать мне копии с писем по адресу: *Петроград, Коломенская, д. 33, кв. 21. В.В. Розанову.*

"Хотя у меня теперь очень мало свободных минут, но я не могу удержаться от желания написать вам. Я думаю, ни одна душа в России не могла прочесть хладнокровно, без дрожи, без слез на глазах... напечатанных вами писем наших воинов. Вы выразили в статье с этими письмами именно то, что чувствует каждый русский, когда думает о нашей чудной армии. Какое счастье сознавать себя русской, иметь возможность назвать "своими", "родными" всех этих чудных героев! Они сражаются там, над ними с зловещим пением разрываются вражеские шрапнели, убивают, калечат их; попадая в плен, они подвергаются оскорблениям, на них плюют проклятые немцы... Чтобы избежать этого ужасного плена, они предпочитают стреляться... Они переносят такие ужасы, а мы можем только непрерывно думать о них, страдать душой, ждать с трепетом каждой весточки с войны, будь то весточка от бывшего карьера (на службе), ставшего солдатом, или от офицера-улана, или летчика. Я получила открытку от одного бывшего сослуживца. Он был уланским офицером, вышел в отставку, недолго прослужил у нас, как началась война. Он опять надел форму, из маленького невзрачного чиновника превратился в бравого офицера и пошел на войну. Когда он прощался с нашим отделом (на службе), никто из нас не догадался спросить его адрес: прямо никто не думал о письмах, так мало мы были с ним знакомы. И вдруг он присылает мне открытку, где пишет, что, вспоминая с симпатией наш отдел, шлет мне и всем нашим привет чуть не с поля брани. Вы можете себе представить, как тронула меня эта открытка, как безумно сожалею, что не знаю названия его воинской части, чтобы послать ему весточку от далеких сослуживцев, сказать ему раз: "Храни Вас Боже! возвращайтесь победителем!" Я думаю, что весточка от родного не тронула бы меня больше, чем эта открытка.

15

сентября

Не послала сразу письмо, а теперь начинаю раздумывать, стоит ли посылать: вы, наверно, подумаете - "экзальтированная" совсем стала! Ну, все равно пошлю, думайте, что хотите, а это письмо - порыв, вызванный вашими из души выходящими словами.

Д. Р-ва".

Нет, это не пустое письмо, а чрезвычайно важное. Это - история. Ибо и "мы здесь" - имеем также историю, глубокую *духовную историю*. Не спросив даже адреса у отъезжающего сослуживца, "такого невзрачного", девушка,

очевидно, пылает не личным чувством, а *отечественным чувством*. И пыл этот относится слиянно и к сослуживцу, и к *каждому воину*. И воинам не может не быть радостно, как они *чувствуются в России*. Слова принадлежат прелестной 20-летней девушке, поступившей по смерти отца на службу. Семья - славянофильская.

"Глубокоуважаемый В. В.

Прежде всего низко вам кланяюсь. Шлю здоровья на долгие, долгие годы.

Сердечный привет всему дорогому вашему семейству.

Давно, давно мечтал и собирался я вам писать - поделиться с вами своими впечатлениями, поговорить с вами, как принято говорить, *по душе, по сердцу*. Рассказать про жите-бытье солдатское; но частые переходы, переезды из города в город, из одного конца России в другой, лишали меня возможности взяться за перо или карандаш; конечно, было время, но не было обстановки. Было с собою несколько открыток, но я их посылал семье по пути - на скорую руку сообщал о своем здоровье.

Начну по порядку. После мобилизации 19 июля из Петербурга я был назначен в Финляндию в один из стрелковых полков; выехали из Петербурга 22-го утром; эшелон - 440 человек; благополучно добрались до места назначения. По пути познакомился со многими своими будущими товарищами. Сразу узнал, увидел, почувствовал, познакомился и подружился со всеми. Сперва - баптистами, с евангельскими христианами и вообще с богоискателями, потом и со своими злейшими врагами - соц.-демократами. Но мы никто не спорили.

Всех соединила одна идея, одна заветная мечта, единая воля и единая святая мысль защиты родины, святой Матери-Руси. Куда делись вечные споры православных с сектантами, большевиков с меньшевиками, кадетов с октябристами, правых с левыми. Как рукою сняло все это.

В моих ушах, в моей памяти звучали слова манифеста; и невольно вспомнились мне слова поэта, обращенные к толпе. Чудо стало - все сбылось, как наяву; сбылись слова песни, которые маленьким ребенком в сельской школе я пел вокруг рождественской елки.

Меня очень радует глубокое сознание, которым проникнуты все те, которых приходилось и приходится видеть среди нашего брата, нижнего чина, по отношению к войне.

Нет вина, нет брани, нет слез, нет скверных слов, не слышишь ни жалоб, ни ругани; даже вечной спутницы русского солдата - гармоника - и той нет; все сосредоточены, серьезны; больше говорим о серьезных делах, чем о пустяках.

Ни петь, ни пить никто не думает, а если иногда и запоем что-нибудь, то что-нибудь хорошее, серьезное или же божественное.

Раздора нет; всех сковала чудотворная воля - победить немцев, защитить веками поработанных братьев-славян и духовно и экономически выйти из плена немцев.

В Финляндии пробыли с лишним месяц и теперь едем в действующую армию, в самый центр; но место секретно, его даже не знает командир полка. Едем благополучно, без всякой пересадки, - и при проезде через передаточный путь Фин. ж. д. на Никол, ж. д., далее на Варш. ж. д. невольно вспомнил инициатора соединения Фин. ж. д. с русскими генерала Н. И. Бобрикова. Благодаря его энергии, громадной воле и государственному уму, было положено и осуществлено это важное дело.

При войне с таким опасным врагом, как Германия, каждая минута страшно дорога.

Финляндцы относились к нам очень корректно, были лояльны, очень предупредительны и вежливы. Тоже старой ненависти как будто и не бывало. Как рукой сняло.

В лавках, при покупке товаров, обманывали иногда на курсе русского рубля, но и то не всегда и не все.

Теперь они уже охотно идут в ряды русских войск, а многие студенты университета поступают в офицеры и юнкерские училища.

Бог в помощь - давно пора!

Теперь большая разница между службою 10 лет тому назад, когда я первый раз после действительной службы был уволен в запас, и как в настоящее время вижу, вновь принятый. Во всем решительно громадная, поразительная перемена! Мысленно окидываешь прошлое: вспоминается Севастополь, кремневые ружья, бездорожица, поголовное безграмотство, тьма и невежество. Кампания 77 - 78 года. Шипка - Плевна, голодные, оборванные солдаты, разбойники-интенданты и поставщики армий, которые грабили днем и ночью, заставляя войска страдать и умирать не от вражеской пули, а от корысти, злоупотреблений и хищничества проклятых поставщиков и бессовестность чинов

интендантства. Дальше, японская война, - русская самоуверенность - "шапками закидаем", " Куропаткинское сидение; терпенье и топтание, все назад и назад. Мукден, Цусима, Порт-Артур - все это русское "авось" да "небось", "ладно", "наплевать". Шли на войну не со знаменем победы или смерти, а с жаждою скоро преходящей человеческой славы.

Шли за орденами и крестами, шли без любви - *по-казенному*. Так просто, без огня в душе, без порыва святого огня, без вечно движущего сознания правоты дела. Скажу сильнее, т. е. вернее, - без религиозного сознания, без экстаза, без веры; а где нет веры, там не может быть и торжества. Все то, что разлагается "на дне"* души, - во всем этом не может быть живого дела, не может быть ни победы, ни творчества. Помнятся слова Евангелия: "Не угашайте духа", не теряйте веры, все остальное приложится. Будем же верить и, по словам Государя, - свято помнить "с крестом в сердце и железом в руках!" Ибо иначе не может быть победы.

Теперь перейду к событиям наших дней и по-своему, как Бог мне на душу положил, передам вам их.

Была раньше применена пословица: "До Бога высоко, до Царя далеко". По немецкой системе учили только маршировать назад и вперед, - становиться во фронт и отдавать честь. Стрельба, маневры, учения, - необходимые для войны, - были на заднем плане.

Сейчас не то. Обращение совсем другое: вежливость, корректность, уважение к человеческой личности - на первом плане. Занятия серьезные, толковые, без глупых напрасных примечаний, без пинков и пощечин. Видно, что многому-многому научили прошедшие годы.

Следы мощного народного представительства, следы работ законодательных палат - видны по каждому шагу; везде видно уважение к делу и сознание ответственности перед родиною.

Никто не прячется за чужую спину, каждый отдает свое умение и силы с сознанием.

Воровство - не видать, кормят - хорошо; не знаю, может быть, бывают какие-либо сделки, но наружных следов не видать. Я очень интересуюсь этим, так как для одного члена Государственной Думы собираю материал. Что делается вообще в тылу, - до нас не доходит; каких-либо газет и писем давно не видели и не читали. Одеты тоже очень прилично, все новые мундиры, - брюки, сапоги и другие вещи сшиты хорошо, и

материал доброкачественный; всюду видна заботливость, всего вдоволь, - каши, чаю, сахару, - а щи настолько хороши и вкусны, что, я думаю, многие-многие петербургские господа не отказались бы попробовать; да и наши офицеры пользуются заодно, и 3 ротных командира; всем всего хватает; не знаю, как вперед будет

Конечно, нельзя - было бы преступлением требовать - на передовую позицию всего этого: для этого и солдаты, чтобы иногда терпеть лишения, если этою требуют обстоятельства**;

будем живы и здоровы и снова заживем в мирной обстановке безмятежно, чередуя труд с отдыхом, физическую работу с религиозными исканиями; а теперь - за дело, за родину***

.....

Бывают минуты, когда тоска охватывает зее существо, т.е. с ног до головы, тоска, грусть о горячо любимой жене, о детях, - ласкающихся и играющихся, о возлюбленных детях. Вся радость и опора, и даже временем кажется, что весь смысл жизни остался там, в жестоком бессердечном Петербурге, где люди и не чувствуют, и не хотят знать ни чужого горя, ни чужой души.

Бедную свою семью я оставил без всяких средств.

Хотя я и зарабатывал много, но много кое-кому и помогал, в особенности - *левой идейной братии*; не буду указывать имен, - это неприлично ни для тех, ни для меня. Потерплю.

Когда я прощался с семьей на В. ж. дор., я указал жене, в случае безвыходной нужды, обратиться с просьбою. Я указал ей ряд фамилий известных общественных деятелей, гласных думы, членов Г. Думы, а также и знакомых писателей, - она махнула рукою, горько улыбнулась, но невольно сами собою крупные красивые горячие слезы полились из ее глаз. Я старался успокоить, как только мог и умел; оказывается, она уж была в то время, когда я находился в Финляндии, - обращалась ко многим и многим, к кому - лично, к кому - с письмом, но повсюду ее гнали и гонят до сих пор. Так, например, с квартиры**** выгнали три раза: два раза кухарка, а третий раз сам барин. В конторе одной газеты она стояла четыре дня (во дворе) под проливным дождем, - и также выгнали, не дав ни медной копейки на черствый хлеб.

А один общественный деятель, член Городской управы, который посредством печати предлагал женам запасных работу; а когда моя жена указала, что она не в состоянии работать по своей физической силе предлагаемую работу, то почтенный господи ей громко заметил: "Ах, вы, сударыня, белоручка, идите на легкую

работу - на Невский проспект", т.е., проще сказать - идите торговать своим телом, благо смазливое личико.

Конечно, моя жена плюнула и ушла; но я очень жалею, что она не ударила его по морде; жив буду, я рассчитаюсь с этим господином, ей-Богу.

С голоду, конечно, не умрет; найдутся добрые люди, а прежде всего, своя энергия и большая честная воля. Найдут работу и хлеб, свет не клином сошелся, - не все Петербург. Можно найти людей и в другом месте и заработать кусок честного насущного хлеба.

Да и с казенными пайками творится неладное. Дают как попало, но прежде всего - мало для Петербурга; тем более, квартирный вопрос - нож острый: не столько думается о хлебе, сколько о жилище. Домовладелец - человек богатый, а с квартиры гонит; в одно к одному и умер сын. Бедный хворал долго; хорошо, что Бог убрал, взял к Себе существо, которое по рукам и ногам связывало жену; а девочки уж большие, их можно оставить на день у кого-нибудь. Не верит моя жена в общественную помощь; все она толкует - и понимает, что все те, которые пишут в газетах, - жертвуют ради славы и почести, - очень далеки от помощи. Во всех учреждениях, куда ей приходилось заходить и искать помощи, - больше видела светского флирта и пренебрежения к своим обязанностям. Эти господа от скуки ради занимаются филантропией, - губя Христово христианство, Христову правду, Христово дело.

Язычники по делам и по вере. Прощайте, дорогой Василий Васильевич, целую вас. Преданный вам бывш. С.-Р.***** Простите за ошибки, очень торопился".

2 сентября. Вагон № Пр. ж. дороги.

* Бумага размокла и слова не разобрал. - В.Р.

** Удивительное рассуждение, впервые мне попавшееся в литературе (миндаля): "на то он и солдат, чтобы иногда потерпеть, быть в лишении для родины". Я сперва не мог ни разобрать, ни понять в письме, - до того непривычна была эта не интеллигентная, а народная мысль. Как она нова и прекрасна!! "Должны и лишения терпеть" - вот он, страдалец-государственник народ! Какое спокойствие, разумность!! Поистине Цари наши с народом строили Царство свое, профессора же, юристы и мы, интеллигенция, тут "ни при чем". Потому-то народ так и любит Царей, что помогал им; помогал вот подобными мыслями, да и просто фактом терпения, любви и преданности. От этого народ так любит Русское Царство, -

как свой дом, где *и он был плотником*; а интеллигенция его ненавидит, потому что только разоряла этот дом, - и ни "дощечки" от нее в этот дом не положено.

Чужие люди. - *В.Р.*

*** Две строки точек в письме. - *В.Р.*

**** Названо имя знаменитого во всей России общественного деятеля и богача. - *В.Р.*

***** "...бывший социал-революционер", - отсюда в начале письма: со своими смертельными врагами (встретился) - *социал-демократами.* - *В.Р.*

Фамилия на письме густо зачеркнута, и я только могу догадываться о ней. На письме штамп краской: "Из действующей армии". На последней странице письма, пересланного не по почте, а "с оказией", карандашом приписка: "А православные батюшки все говорят да говорят - "Терпите, терпите; чем темнее здесь, тем светлее там, на небе", - какое кощунство!"

Письмо в разнообразных отношениях интересно и важно. В благотворительности, конечно, есть много нарядных одежд; вся благотворительность должна бы идти народнее, тусклее, серее, обыденнее. Она должна идти повсеместнее, "вот - *тут*, в *своем уголке*". Нельзя не прийти к мысли опять же о "своем брате" около народа, о священнике, отце диаконе и старинном дьячке; нельзя не вспомнить в нужде и о древних дьякониссах. Вообще нельзя не подумать о приходе. На тему письма этого отвечает письмо, мною полученное еще в пору мобилизации, когда только выбрали из населения "запасных". Вот оно:

X

"Спешу послать вам воззвание священника приходской Благовещенской церкви в г. Зарайске, отца Сергия Тимофеевича Субботина, сказанное им вчера во всюнощную, перед шестопсалмием, и сегодня в обедню после Евангелия. Приход наш беден, никто не был подготовлен к призыву на пожертвование, а вчера за всюнощной, по случаю дождя, народу почти не было: и все-таки в два раза было собрано семь рублей девяносто копеек. Это для нашего прихода сбор значительный. Но в призыве отца Сергия, по моему мнению, наибольшее значение имеет обещание, что причт войдет в сношение с уездным воинским начальником, через него узнает, в какие части войск направлены наши прихожане, и будет сообщать находящимся на службе о помощи, которая будет оказываема их семьям. Важно также предложение причта своих услуг семейным, призванным на службу, для сношений с ними; важно приглашение, чтобы прихожане сами указывали нуждающихся; и обещание каждую неделю сообщать как о том, что пожертвовано, кому, в каком размере пособие оказано, так и о ходе событий на поле брани.

Я считаю это важным потому, что если примеру отца Сергия последуют и другие настоятели приходов, то деятельность прихода, вызванная войною, не послужит ли началом жизнедеятельности приходов, которую едва ли возможно возбудить одним обращением прихода "в юридическое лицо, с правом приобретать и распоряжаться всякого рода имуществом". Мы вообще мало внимания обращаем на имущество свое и не свое, и едва ли обращение прихода в юридическое лицо пробудит в нас особое расположение к заботе о церковно-приходском имуществе, едва ли это возбудит приходскую жизнедеятельность. Нельзя не отметить также, что юридическое и экономическое не только ничего общего с церковным, религиозным не имеет, но, по словам Н. Ф. Федорова, на стр. 369 1 т. "Философии общего дела" - *"юридическое и экономическое есть мерзость перед Троициным Богом и многоединым человеческим родом"*, так как юридико-экономическое противоположно родственному, т.е. нравственному, - противоположно братству и отечеству. Душевно вам преданный Н. Петерсон"

"27 июня 1914 года - память св. целителя Пантелеймона: не исцелит ли он от столбняка, в котором находится наша приходская жизнь? Прошу вас, прочтите из 1- тома несколько страниц, начиная с 297-1 и кончив на стр. 301 словами: "и рассмотреть действие литургии в этом небольшом кругу, коего численность определяется возможностью личного знакомства всех его членов и от надлежащего устройства коего зависит строй всей церкви". Прочтите до конца 301-й страницы, сделайте мне это одолжение, всего пять страниц".

Вот самая проповедь отца Сергия Субботина касательно помощи семействам запасных. Читатель обратит внимание на теплоту, конкретность и реальность:

"Христолюбивые и братолюбивые прихожане! Господь наш Иисус Христос сказал: "По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою" (Иоан. XIII, 35). Наступившие события испытывают, точно ли мы ученики Христа, любим ли мы друг друга, готовы ли на деле доказать свою любовь к братьям нашим, призванным положить душу свою за нас, за наше спокойствие, за наше благоденственное и мирное житие. Вы уже знаете, что наше отечество, наша Русь Святая, несмотря на крайнее миролюбие нашего Государя, вовлечена в войну с немецкими государствами, Германиею и Австрией). Дело началось с того, что Австрия предъявила к братскому нам народу сербскому, освобожденному нами от турецкого ига, такие требования, исполнение которых равнялось бы полному подчинению ныне свободной Сербии немецкому владычеству. Тогда Государь наш, внушив сербам исполнить все требования Австрии, за исключением тех, которые обратили бы их в

совершенных рабов немцев, обратился и к Австрии с увещанием умерить свои требования. Сербия последовала совету нашего Государя; но Австрия дерзко отвергла посредничество нашего Государя и объявила Сербии войну, надеясь превосходством военных сил своих быстро раздавить небольшую страну. Это вынудило нашего Государя, не объявляя Австрии войны, призвать на службу часть запасных, в надежде остановить этим нападение Австрии на Сербию. Тогда выступил Вильгельм, император Германии, и потребовал, чтобы Государь наш отменил свое распоряжение о призыве запасных, угрожая войною, если это не будет исполнено в течение двенадцати часов. Ответом на такое в высшей степени грубое и дерзкое требование было распоряжение о призыве запасных со всей Империи нашей; и немцы, давно уже задумавшие напасть на нас и только ждавшие к тому предлога, объявили нам войну.

У призванных запасных остаются семьи, и многие - без всяких средств к существованию. Долг перед защитниками нашими от немецкого порабощения требует, чтобы мы приняли на себя заботу об их семьях. Заботою об их семьях мы выразим нашу признательность, нашу любовь к защитникам нашим и дадим им уверенность, что семьи их ни в чем нужды терпеть не будут. Такая забота о семьях защитников наших и в них возбудит любовь к нам и воодушевит их в борьбе с врагом. Казна будет ежемесячно давать жене и детям призванных на службу, а также и всем ближайшим родственникам их, бывшим на их содержании, стоимость 1 п. 28 ф. муки, 10 ф. крупы, 4 ф. соли и 1 ф. постного масла, причем дети не старше 5-ти лет будут получать половину, а достигшие 17 лет будут получать казенное пособие лишь в том случае, если будет доказано, что к труду они не способны. Однако это пособие может удовлетворить лишь самые насущные потребности и не может быть выдано тотчас же, ввиду необходимости соблюдения разных формальностей. Мы не должны позаботиться, чтобы семьи наших защитников не испытали нужды при самом расставании со своими кормильцами, и, по возможности, скрасить их существование.

Из наших прихожан, взятых на службу, наиболее нуждаются семьи нашего церковного сторожа Матвеюка, семьи Муравьева, Трусова, Кузнецова и Цыганкова; у последних остались жены и малолетние дети, а Муравьев вдовец; 3-х летнюю дочь его взяли в приют, а 5-летний сын его остался на руках старухи матери, у которой на руках еще два внука, 15-ти лет и девяти лет. Правда, у них есть усадьба с постройками, которые могут быть отданы внаем, но все это заложено, и с уходом их кормильца они лишаются 20 - 25 рублей в месяц. И вот всем этим пяти семействам необходима немедленная помощь; в распоряжении же церковного причта имеется на этот предмет лишь десять

рублей, из которых, с согласия жертвователей, было выдано жене церковного сторожа Матвеюка 5 руб., матери Муравьева - 3 руб., и жене Трусова - 2 руб. Больше средств нет, а потому причт церковный и обращается ко всем прихожанам восполнить недостающее, а также указать, нет ли и еще нуждающихся в помощи семей призванных на службу из прихожан нашей церкви. Причт обратится к уездному воинскому начальнику за сведениями, кто из наших прихожан в какую часть войск назначен, и - сообщит находящимся на службе о том пособии, которое будет оказано их семьям; семейные призванных, которые плохо владеют грамотой, если пожелают дать весть о себе своим родным, находящимся на службе, пусть обращаются к причту, и причт укажет им человека, который напишет им письмо и отправит по назначению. Каждый воскресный день будет сообщаться, сколько собрано в пособие семьям находящихся на службе, и кому, в каком размере пособие оказано. Каждую неделю будет сообщаться также и о том, что произошло на поле брани. До сих пор ничего особенно важного не произошло; австрийцы напали на сербов еще 16 июля; в этот день они начали бомбардировать столицу Сербии, Белград, который находится на правом берегу Дуная, при впадении в эту реку - Савы. На другом берегу Дуная, против Белграда - австрийский город Землин: из этого своего города австрийцы и бомбардируют Белград. Но до сих пор, несмотря на громадное превосходство сил, австрийцы не могли перейти через Дунай и вторгнуться в Сербию. Все семь попыток их переправиться через Дунай сербами были отбиты, а сами сербы уже вступили в Австрию. На нашей границе с Германиею ничего важного не произошло, так как Германия объявила войну и Франции, и по-видимому, главные силы свои намерена направить сначала на Францию и, разбив Францию, всеми своими силами обрушиться на нас. Но справиться с Франциею не будет, кажется, так легко, как это думали немцы; с первых же шагов они наткнулись на крепость Льеж, и, положив под эту крепость восемь тысяч человек, они не завладели ею. Задержка под Льежем дает возможность французам сосредоточить большие силы. Может быть, и англичане успеют прийти к ним на помощь, так как немцы в войне не с нами лишь и Франциею, а также и с Англиею, и с Бельгиею; они обидели и многие другие страны, так что можно надеяться, что через неделю мы будем иметь еще более утешительные вести с поля брани"

26 июля 1914 г. Г. Зарайск, Рязанской губернии.

Действительно, такое отношение приходского батюшки к своим прихожанам соединяет всех их в близкую, теплую семью, где никому не холодно, где каждый поданный кусок хлеба попадает в голодный рот и где нет места тщеславию уже потому, что все это никому, кроме самих прихожан, неизвестно.

XI

Я позволю себе привести еще письмо, из дней начала войны... Пишет мать четырех сыновей, отправившихся офицерами на войну, - пишет естественно в мыслях, что не все-то *четверо* вернутся к ней живы и целы:

"П-но. Тульской губ. 20-го августа 1914 г.

А если бы вы, Василий Васильевич, видели, как вижу я в глуши деревни, *трезвые* "престольные праздники", то ваша статья* была бы еще горячее.

Народ недоумевал и как-то смущенно спрашивал: "Чем же мы гостей-то угощать будем?" Под "угощением" подразумевается, конечно, водка, - и без водки как же? чем же? И вот теперь, вместо трех дней отчаянного пьянства, как бывало (часто начиная с самого батюшки и кончая чуть не трехлетними ребятами), во время которого совершались драки и всякие безобразия, - праздники к вечеру кончались. Прислуга, живущая у помещиков, и рабочие вечером уже были на местах. Нечто небывалое.

Вообще в деревнях тишина и серьезность трогательные. Бабы в церковь надевают не яркие наряды, а темные - больше все черные с белым, - особенно головные платки.

Старосты, десятские тех волостей, которые подчинены земскому начальнику, у которого я сейчас нахожусь (мой сват), поражают своей серьезностью, своим отношением к возложенным на них обязанностям, и сильно влияют на народ. К несчастью, со стороны здешнего священника никто ничего не видит (он брат Ев-ия). Этот деревянный, недобрый человек, к тому же пьющий, никак не откликнулся на свершающиеся события; даже перед запоздалым молебном о даровании победы он ни слова не сказал прихожанам. И бабы - это было простое воскресенье, и, кроме нескольких баб, никого в церкви не было - не поняли, "чей" это молебен. А молебен этот он "отвалял" скорее, чем обыкновенно.

За обедней теперь, когда молитвы о православном воинстве особенно нужны, особенно трогают, - он особенно их быстро читает; вот, кажется, стал бы на его место и так бы вознес ко Господу эту молитву о "христоролюбивом воинстве", что все зарыдали бы.

От "страждущих и плененных" у него ничего не осталось: проглотил - и перекреститься не успеешь, а не то что в землю долгим поклоном за этих плененных поклониться.

Мои четыре воина с радостью пошли навстречу врагу за родину,
за славу, за честь постоять.

Улан мой, уходя, писал мне: "Как ты, дорогая мамуля, должна
быть счастлива и горда, что все твои 4 сына идут на защиту
родины. Недаром ты нас родила и недаром казна нас кормила".

С тех пор как *все это* началось, я как бы постоянно сердцем
мысленно стою на коленях, - и не здесь на земле, а где-то выше.
С воздетыми к небесам руками я повторяю: "Да исполнится воля
Твоя". Какое время! И как нужен был огонь и кровь, чтобы
многое очистить. Многое уничтожить и много хорошего
породить. Да будет воля Твоя, Господи!

Поклон вам, Варваре и со чада.
Н. Л. Ива-а".

* "Кто победит Зеленого Змия?" - в "Нов. Вр." - *В.Р.*

И это письмо - дворянки, помещицы, собирающей по французским и русским
государственным архивам историю художественных и ремесленно-
художественных сношений между Россией и Францией (эпоха Петра
Великого и позднее), - тоже пусть ляжет засохшим цветком в стог душистого
сена, которым мы дышим эти дни и месяцы. Я не выпустил печальных слов о
священнике, - ибо мы совсем запутаемся, если не будем передавать во всех
направлениях - одну правду. На ниве произрастает и пшеница, и плевелы, и
хлеб, и короста, но будем верить и даже будем помнить только - пшеницу.

XII

Это было лет одиннадцать тому назад.

Я брел по Вознесенскому или Воскресенскому проспекту (к Шпалерной) и
был погружен в те думы или мечты, в каких всегда пребывают литераторы.
Был чудный день, 6-й час. Теплота. Сушь. Почти пустынная тихая улица.

Шел я, опустив голову, когда с какой-то минуты, не знаю, что-то начало
беспокоить мой слух. Но как это было какое-то шуршанье, "что-то" вообще не
угрожающее, с чем бы мне столкнуться, то я шел, не поднимая головы, "в
плену воображения". Это воображение было далеко от Петербурга, от России,
где-то "в небесах" и между "землей". Где реют ангелы и "прогуливаются"
писатели...

Беспокойство в ухе все возрастало. Но "сладость плена" была велика и я не поднимал головы, уверенный, что "днем не задавят"... "Что же может случиться? Я иду по тротуару, правильно..."

Шуршанье стало переходить в шум, гул, - неясный, далекий... Ближе, ближе... Когда, увидав мелькающие ноги около своих ног, я наконец поднял голову.

Почти наваливая на тротуар, шла конница. Совсем необыкновенная.

Гимназистом от покойного брата я слышал однажды рассказ, что в войсках гвардии есть один особенный полк: в него набираются исключительно солдаты непомерной величины и чтобы лицо было непременно уродливое. Может быть, брат в чем-нибудь ошибался или преувеличивал, но я не запомнил бы самого рассказа, если б в нем не было этой поразившей меня отметины: "безобразные лица", что-нибудь свирепое, какой-нибудь нос, "глазищи", - и тогда "годен".

"Это идет *тот полк*", - подумал я. Лошади были такой величины, что, я думаю - спина выше моей головы. И на них огромные, некрасивые - и неловкие и ловкие - солдаты. Они были "ловки" по существу военного и "неловки" - потому что как же при таком росте?

Шли они очень близко к тротуару, наваливая на него, - почти. И я не отрицаю, что часть моего впечатления обязана происхождением этому обстоятельству. Но это мне пришло на ум потом. Теперь же...

Я все робко смотрел - прямо перед собою - на эту нескончаемо идущую вереницу тяжелых всадников, из которых каждый был так огромен сравнительно со мною! - и их такое множество, кажется - никогда не кончатся... Малейшая неправильность движения - и я раздавлен. Конечно, я знал, что этого не произойдет. И между тем чувство своей подавленности более и более входило в меня. Я чувствовал себя обвеянным чужою силою - до того огромною, что мое "я" как бы уносилось пушинкою в вихрь этой огромности и этого множества...

Идут, идут, идут...

И не кончаются...

Стройные, стойкие, огромные, безобразные...

Когда я вдруг начал чувствовать, что не только "боюсь" (это определенное чувство было), но - и обворожен ими, - зачарован странным очарованием, которое только один раз - вот *этот* - испытал в жизни. Произошло странное явление: преувеличенная *мужественность* того, что было передо мною, как бы изменило структуру моей организации и отбросило, опрокинуло эту организацию - в женскую.

Я почувствовал необыкновенную нежность, истому и сонливость во всем существе... Сердце упало во мне - любовью... Мне хотелось бы, чтобы они были еще огромнее, чтобы их было еще больше... Ни на чье *лицо* я не глядел, да и лица "мелькали", каждое видно было только секунду... Чувство мое относилось к массе, притом столько же людей, как и лошадей... Этот колосс физиологии, колосс жизни и, должно быть, источников жизни вызвал во мне чисто женственное ощущение безвольности, покорности, и ненасытного желания "побывать вблизи", видеть, не спускать глаз... Определенно - это было начало влюбления девушки.

Волны все шли... Этот однообразный гул... Эти "ни на что не взирающие" лица... Как они горды, *самостоятельны* - именно тем, что ни на кого не смотрят... Суть армии, что, кроме полководца, она никого не видит, не знает...

Суть ее в великой самодовлеемости...
.....
.....

Я вернулся домой весь в трепете. Чтобы сохранить в себе "это", я ни с кем не разговаривал некоторое время. Мне кажется, я соприкоснулся с некоторою тайною мира и истории, вообще неизвестною. Передам, как она сказалась у меня в шепотах:

Что женская красота, "милое личико" и т.п., что красота одежд и, наконец, мертвая недвижимая красота зданий, дворцов, соборов?..

- Сила - вот одна красота в мире... около которой только "понадобится" чему-то всякая другая красота...

- Сила - она покоряет, перед ней падают, ей, наконец, молятся... Молятся вообще "слабые" - "мы", вот "я на тротуаре"...

- В силе лежит тайна мира, такая же, как "ум", такая же, как "мудрость"... Может быть, даже такая же, как "святость"... И, во всяком случае, она превосходнее "искусств и изящного"...

- Но суть ее - не что она "может дробить", а - другое. Суть ее - в очаровании. Суть, что она привлекает. "Силою солнце держит землю, луну и все планеты".
- Не "светом" и не "истинною", а что оно - огромное их...

- Огромное, сильное...

Голова была ясна, а сердце билось... Как у женщин.

Суть армии, что она всех нас превращает в женщин, слабых; трепещущих, обнимающих воздух... Одним - более, другим - менее; *несколько-нибудь* - каждого... И почти скажешь словом Песни Песней:

"Где мой возлюбленный?.. Я не нахожу его... Я обошла город и не встретила его..."

Впервые сборник опубликован: Пг. Книжная летопись. 1914. № 45. 15 ноября.

Василий Васильевич Розанов (1856 - 1919) - русский религиозный философ, литературный критик и публицист, один из самых противоречивых русских философов XX века.